
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва. Красная площадь.
30 марта 1968 года.

Первый летчик-космонавт
Герой Советского Союза

Юрий Алексеевич
ГАГАРИН

Герой Советского Союза
инженер-полковник

Владимир Сергеевич
СЕРЕГИН

От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 27 марта 1968 года в результате катастрофы при выполнении тренировочного полета на самолете трагически погиб первый в мире покоритель космоса, прославленный летчик-космонавт СССР, член КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза полковник Гагарин Юрий Алексеевич.

В этой авиационной катастрофе погиб командир авиационной части, член КПСС, Герой Советского Союза инженер-полковник Серегин Владимир Сергеевич.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям и родным погибших товарищей.

Центральный Комитет КПСС — Президиум Верховного Совета СССР — Совет Министров СССР

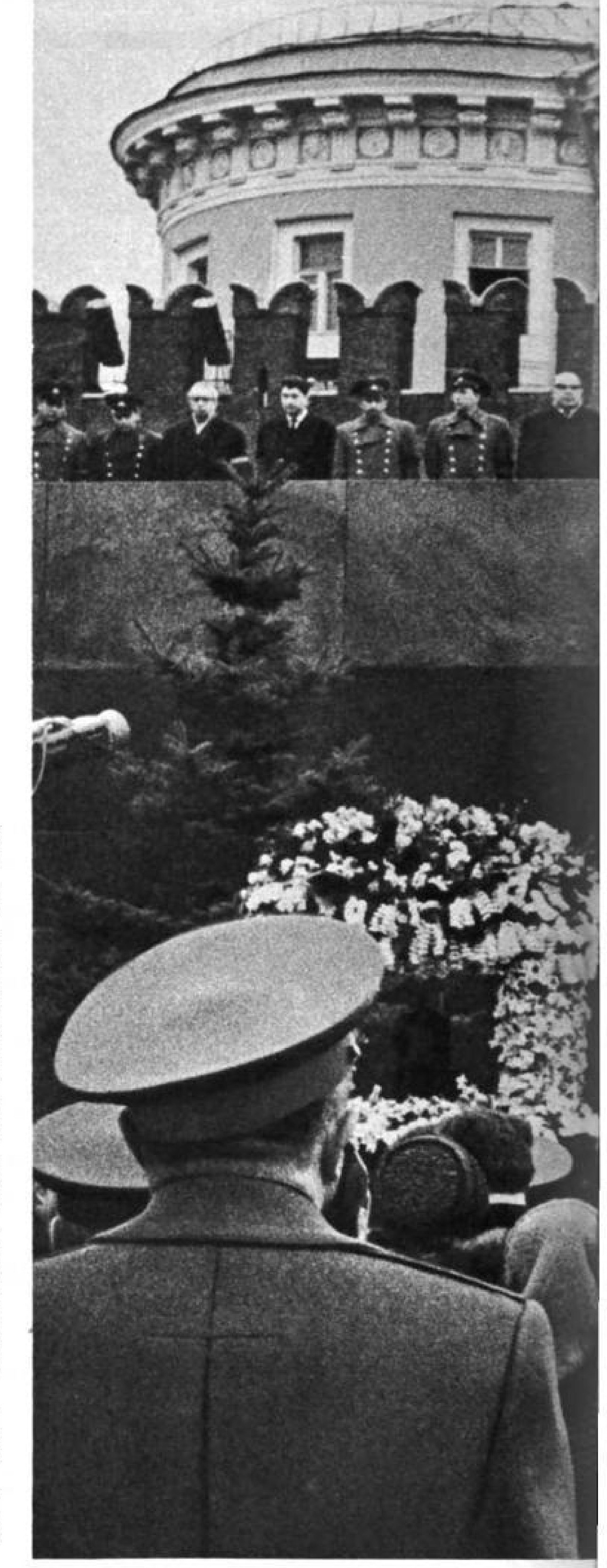
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 15 (2128)

Основан 1 апреля 1923 года

6 АПРЕЛЯ 1968

Москва в скорби, страна прощается с двумя своими отважными сынами. Флаги с черной лентой на улицах. Два портрета в траурных рамках: великий сын планеты Земля, первый космонавт Юрий Гагарин и славный сокол Военно-Воздушных Сил СССР, летчик Владимир Серегин.

Молчаливые очереди у газетных киосков. На первых страницах газет извещение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, соболезнования Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного, А. Н. Косыгина женам и родителям погибших. Телеграммы со всех концов земли.

...Подступы к Центральному Дому Советской Армии, где установлены урны с прахом Юрия Гагарина и Владимира Серегина, заполнены народом. Бесконечен людской поток мимо постамента, на котором — урны с прахом героев. Рабочие, служащие, студенты, воины... Скорбные лица, слезы. И весенние цветы. И венки.

Почтить память героев пришли руководители Коммунистической партии и Советского правительства. В почетный караул встают товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

Дань глубокого уважения Ю. А. Гагарину и В. С. Серегину выразили главы дипломатических представительств, аккредитованные в СССР, прибывшие во главе с дуайеном дипломатического корпуса, послом ОАР в СССР Мухаммедом Мурадом Галебом, дипломаты.

Скорбные дни прощания, печальные дни планеты.

Трудящиеся Москвы, весь советский народ провожали 30 марта в последний путь первого в мире покорителя космоса, прославленного летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза, полковника Юрия Алексеевича Гагарина и Героя Советского Союза, инженер-полковника Владимира Сергеевича Серегина.

Их жизнь — яркий пример мужества и отваги, пламенного патриотизма, верности делу Коммунистической партии, готовности к подвигу во славу Родины.

...Траурная процессия медленно движется к Красной площади. Там тысячи людей со всех концов земного шара.

На Центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, заместители Председателя Совета Министров СССР, члены правительственной комиссии по организации похорон, летчики-космонавты.

Начинается траурный митинг. Его открывает член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

На траурном митинге выступили президент Академии наук СССР М. В. Келдыш, слесарь завода имени Владимира Ильича, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда С. А. Антонов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, военный летчик подполковник В. А. Абрамычев, летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза полковник А. Г. Николаев.

Траурный митинг объявляется закрытым. Руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, летчики-космонавты, представители Военно-Воздушных Сил поднимают урны и направляются к Кремлевской стене.

Вся страна минутой молчания чтит память героев. Ниши закрываются мемориальными досками. Гремит артиллерийский салют. Над Красной площадью льется торжественная мелодия Государственного гимна Советского Союза.

Перед Мавзолеем торжественным маршем идут воинские части. Они отдают последние почести Юрию Алексеевичу Гагарину и Владимиру Сергеевичу Серегину.

СКОРБНЫЕ ДНИ

ПРОЩАНИЯ

Памяти Юрия Гагарина

Да, это верно: не забудем
Ни малой мелочи о нем!
И жизнь его изучат люди
Всю: год за годом, день за днем.

Он вровень стал с грядущим
веком!
Но скорбь лишь глубже оттого,
Что он был смертным человеком
При всем бессмертии его.

Владимир ТУРКИН

29 марта 1968 года.

Горе родных и близких. Минуты прощания.

Фото А. Гостева, А. Бочинина и А. Устинова.

Тюльпаны Байконура

А может, эта весть — ошибка?
Такое выдумать нельзя.
Грустна Гагарина улыбка,
Грустны Серегина глаза.

Тюльпаны рдеют, словно раны.
Венки, венки... К чему слова?
К портретам сыновей тюльпаны
Кладет притихшая Москва.

Сердца открыты, лица хмуры.
Весенний дух сырой земли.
Здесь и тюльпаны Байконура,
Что на рассвете расцвели.

Они еще не раз увидят
Их молодых живых друзей
В своих скафандрах знаменитых,
Идущих по Вселенной всей.

Владимир ФЕДОРОВ

* * *

...Но светят две мечты сквозь
траур крепа,
Две жизни, вечным ставшие
огнем,
Две скорби материнские, как
небо,
И две звезды бессмертные на
нем.

Живет улыбка, что как детскость
мира,
Которой позабыть вовек нельзя,
Что так доверчиво, светло и мило
Открылась людям вдруг, весну
неся,
И благодарность первому
свиданью,
Оставшемуся первым на века,
И вечная неутоленность далью
В глазах, еще неведомых пока.

Дмитрий КОВАЛЕВ

ЛЮДВИК СВОБОДА— ПРЕЗИДЕНТ ЧССР

30 марта Национальное собрание Чехословацкой Социалистической Республики избрало президентом республики Людвика Свободу. Имя Людвика Свободы, сказал Первый секретарь ЦК КПЧ Александр Дубчек, тесно связано с традициями национально-освободительной борьбы и с социалистическим строительством в Чехословакии.

Советские люди знают Л. Свободу как верного сына чехословацкого народа, выдающегося полководца, испытанного борца за свободу и независимость своей родины, как большого друга Советского Союза.

В годы войны с фашизмом чехословацкие воины под командованием Л. Свободы вместе с Советской Армией громили общего врага.

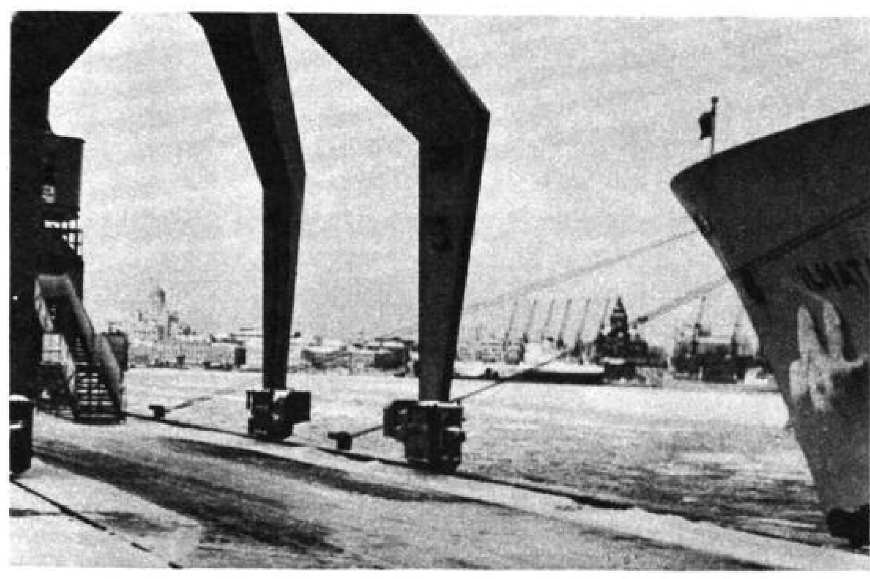
В 1965 году Людвик Свобода первым в стране был удостоен звания Героя Чехословацкой Социалистической Республики. Всю свою жизнь он посвятил служению родине, народу и укреплению чехословацко-советской дружбы. Рабочие, крестьяне, интеллигенция, воины Народной армии, весь чехословацкий народ горячо поддержали кандидатуру генерала армии Л. Свободы на пост президента ЧССР.

В связи с избранием Л. Свободы на пост президента товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин направили ему поздравление, в котором выражена твердая уверенность в том, что дружба, нерушимый союз и плодотворное сотрудничество между народами Советского Союза и социалистической Чехословакии будут и впредь неуклонно укрепляться и развиваться в интересах наших стран, на благо всего социалистического содружества, на благо мира во всем мире.

Телефото ЧТК—ТАСС.

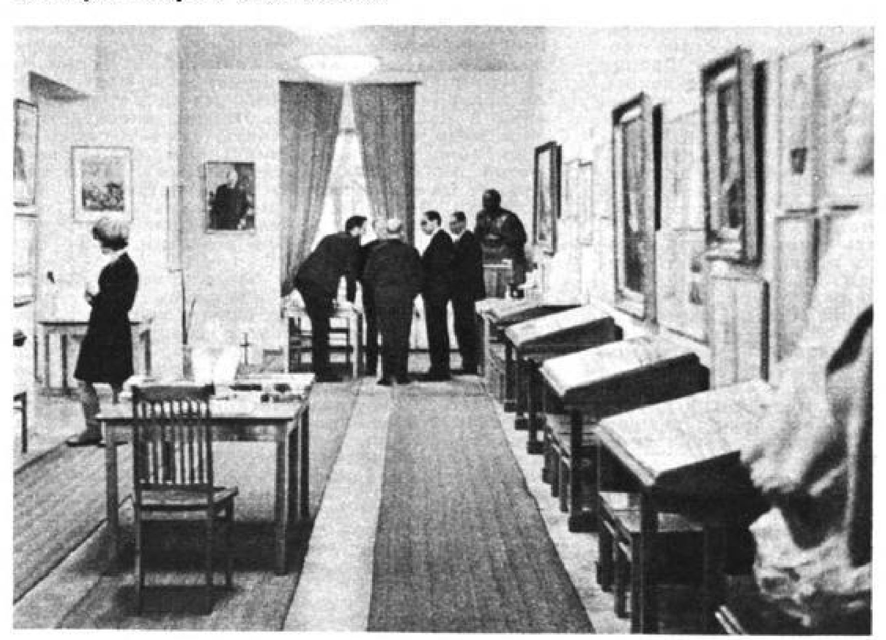

СОСЕДИ И ДРУЗЬЯ

Хельсинки. Город-труженик.

Тампере. В Музее В. И. Ленина.

Бок о бок с нами, на земле неповторимой своеобразной красоты, живет талантливый и трудолюбивый финский народ, которого мы по праву называем другом и вместе с которым отмечаем сегодня наш большой общий праздник — 20-летие Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Когда попадаешь в Финляндию, ездишь по ее дорогам и живописным городам, повсюду ощущаешь, как за истекшие двадцать лет строки этого договора воплотились в искренние добрососедские отношения и подлинно деловое сотрудничество. Уже сам факт простого общения с финнами говорит приехавшему туда советскому человеку о мирных устремлениях, об уважении к нашей стране, о глубокой заинтересованности в развитии экономических связей между Финляндией и СССР. Об этом говорят не только личные впечатления, но и вполне конкретные примеры. Вот только несколько из них.

Общество «Финляндия — Советский Союз» ныне стало одной из крупнейших общественных организаций страны, его почетным председателем является президент Финляндии У. Кекконен. Другой пример: на исходе прошлого года в Москве был подписан протокол о торговле между СССР и Финляндией на 1968 год, по которому объем товарооборота составляет 450 миллионов рублей. Такой внушительной цифры еще не знала история советско-финляндских торговых отношений.

И в большом и в малом ощущаем мы, как успешно претворяется в жизнь заключенный 20 лет назад договор. Бегут по дорогам Финляндии популярные там советские автомашины, а нашему флоту отлично служат суда, построенные на финских верфях. Уже дымят трубы металлургического завода в городе Рахе, создаваемого с помощью Советского Союза. Тысячи тысяч наших соотечественников давно по достоинству оценили добротные товары широкого потребления, создаваемые руками финских тружеников. А сколько еще подобных примеров можно привести!

Пусть живет и процветает советско-финляндская дружба! — с таким сердечным пожеланием обращаются сегодня советские люди к нашим северным соседям и друзьям.

В. НИКОЛАЕВ
Фото автора.

Фото М. Савина.

Венцом всенародного празднования 100-летия со дня рождения А. М. Горького стало торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов 28 марта. Собравшиеся приветственными аплодисментами встретили появление в президиуме товарищей Л. И. Брежнова, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, А. Н. Шелепина, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, И. В. Капитонова, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, а также членов Всесоюзного юбилейного комитета.

Перед тем как открыть торжественное заседание, первый секретарь правления Союза писателей СССР К. А. Федин предложил почтить вставанием память славных сынов Советской Родины, Героев Советского Союза первого в мире летчика-космонавта Юрия Алексеевича Гагарина и инженер-полковника Владимира Сергеевича Серегина.

Во вступительной речи К. А. Федин сказал о Горьком: «Книги мечтателя и реалиста дружелюбно ведут нас в то прекрасное будущее, где — по его слову — победят творческие силы разума и духовное здоровье человека.

В этом победном будущем, как и сегодня, в чествуемое столетие со дня рождения писателя Алексея Максимовича Горького, слава его будет парить высоко над нами».

Затем К. А. Федин сообщил, что на торжества, посвященные 100-летию со дня рождения А. М. Горького, прибыли гости из многих зарубежных стран.

Слово о великом пролетарском писателе, гуманисте и трибуне, произнес Л. М. Леонов. Он особенно подчеркнул огромную гражданскую активность гениального таланта А. М. Горького: «Именно Горький перекинул, как мост, идею литературного СЛУЖЕНИЯ из девятнадцатого века в наш, двадцатый. Отсюда впоследствии зародился сыгравший такую роль в годы материального социалистического становления метод АКТИВНОГО писательского вмешательства в преображавшуюся отечественную экономику». Л. М. Леонов также сказал, что Горький гениально совмещал требования высокого искусства с общественной действенностью своих произведений.

Со словами великой благодарности основоположнику советской литературы выступили Леонид Соболев, Микола Бажан, бригадир электросварщиков горьковского завода «Красное Сормово» Вячеслав Пайщиков, председатель Союза писателей Болгарии Георгий Джагаров, Николай Тихонов, Чингиз Айтматов, народная артистка СССР Алла Константиновна Тарасова, Кайсын Кулиев, член Всемирного Совета Мира пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз, зачитавший послание Всемирного Совета Мира участникам торжественного заседания, Алексей Сурков.

В связи со 100-летием со дня рождения А. М. Горького 29 марта в Кремлевском Дворце съездов состоялся прием, на котором присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, П. Н. Демичев.

С речью на приеме выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Москва. Колонный зал Дома союзов. XIX городская партийная конференция. На трибуне — Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

КОНФЕРЕНЦИЯ КОММУНИСТОВ СТОЛИЦЫ

В Колонном зале Дома союзов проходила XIX конференция Московской городской партийной организации. В ее работе приняли участие товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

С отчетным докладом Московского городского комитета партии выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Делегаты обсудили отчетные доклады Московского городского комитета КПСС и ревизионной комиссии. В выступлениях участников прений был дан анализ работы городского и районных комитетов партии, первичных организаций по выполнению решений XXIII съезда КПСС и Пленумов Центрального Комитета партии.

С речью на конференции выступил тепло встреченный присутствующими Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев. Речь Л. И. Брежнева была выслушана с большим вниманием и неоднократно прерывалась аплодисментами.

— Мы живем в такое время и в такой обстановке, которые накладывают огромную ответственность на нашу страну — первую в мире страну победившего социализма, на нашу партию — славную партию Ленина, на весь наш народ, идущий в авангарде общественного прогресса,— сказал Л. И. Брежнев.— Рабочие, колхозники, интеллигенция — все советские люди сознают эту ответственность, и каждый на своем участке борется за укрепление могущества нашей великой Родины.

С огромным воодушевлением участники конференции приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

Состоялся пленум нового избранного XIX городской партийной конференцией состава Московского городского комитета КПСС. Первым секретарем МГК КПСС избран кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин.

7 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ГЕОЛОГА

НЕ ЗОЛОТОМ ЕДИНЫМ...

Эта карта называется несколько суховато: карта полезных ископаемых СССР. Испещренная квадратиками и кружками, исчерченная пунктирными и непрерывными линиями, она словно ожила под указкой, с которой подошел к карте член коллегии Министерства геологии СССР Владимир Александрович Перваго.

— Мне хотелось бы начать с факта, над которым мы не часто задумываемся: геологические открытия меняют структуру экономики крупных районов, они (кроме того, что добавляют работы картографам), заметно меняют и лицо страны. За годы Советской власти 695 городов и поселков городского типа возникли и развиваются на базе геологических открытий.

Трудно сыскать такой дальний уголок нашей страны, в котором бы не работали геологи или в который они не стремились бы. Казалось бы, в центре России все хожено-перехожено. Однако новые исследования позволяют надеяться, что и тут еще будет открыто немало кладов. Самых разных — в том числе и золотых!

— Не золотом единым...

— Безусловно. Начал я с него потому, что сейчас, по весне, начинает поступать все больше сообщений об успехах геологов-золотоискателей и добытчиков. Ведь только в районах РСФСР выявлено 67 новых участков и месторождений россыпного золота.

По-прежнему радуют разведчики нефти. За пятьдесят советских лет добыча нефти в стране увеличилась в 26 раз. Новые нефтяные и газовые месторождения открыты в Узбекистане и Туркмении, в Якутии, в других районах. Совсем недавно установлена промышленная нефтегазоносность на так называемой «Шапкинской площади» — это на севере Архангельской области, и открыто крупное газовое месторождение в Оренбургской области.

В прошлом году Советский Союз вышел на первое место в мире по разведанным запасам природного газа. Еще несколько лет назад многие западные специалисты утверждали, что для завоевания такого первенства, если оно вообще возможно, потребуются многие годы. Советские геологи опрокинули эти прогнозы и еще раз доказали, что недра нашей страны сказочно богаты.

Сейчас СССР держит первенство по запасам шестнадцати видов полезных ископаемых — и в их числе уголь и марганец, железная руда (к слову, запасы железной руды составляют 58 миллиардов тонн — это больше, чем запасы во всех капиталистических странах, вместе взятых) и свинец, никель, кобальт, вольфрам, молибден, алмазы... Да, и алмазы, которых, как считалось ранее, почти не было на территории страны. А теперь — первенство.

— Что можно сказать об уникальных полезных ископаемых?

— Видите ли, любой дар земных недр уникален. Замечательно по масштабам и качеству руд Талнахское медно-никелевое месторождение. Совсем недавно в этом же районе обнаружена еще одна кладовая — ее «двери» сейчас только приоткрываются. Крупные месторождения алмазов, кроме вилюйских, выявлены за Полярным кругом — в бассейне реки Анабар. Перспективным представляется и район на одной из уральских рек — тут нашли россыпи, а сейчас ищут коренные породы, содержащие алмазы ювелирного толка... Явный успех — разведка свинцово-цинковых месторождений в Закавказье, в Бурятской АССР.

Открыты, разведаны и осваиваются крупные месторождения редких металлов — таких, в частности, как тантал, ниобий, литий, германий. Это материалы XX века, без них невозможно развитие многих современных отраслей науки и техники, они находят все большее применение в народном хозяйстве. В короткие сроки создана база для развития атомной промышленности. Планомерные поиски урана начаты, по существу, немногим более 20 лет назад. Сейчас обнаружены такие месторождения минерального сырья для атомной промышленности, которые ранее не были известны, а некоторые урановорудные районы не имеют аналогов за рубежом по запасам и качеству месторождений урана. Находки эти полностью обеспечивают и оборонные нужды страны и все возрастающее мирное использование атомной энергии.

— Из разных районов страны приходят сообщения о новых фонтанах минеральных вод. Их тоже ищут геологи?

— И ищут и находят. В горах Армении, неподалеку от курорта Джермук, найдена вода, отличающаяся высоким содержанием углекислого газа и минеральных солей; по химической формуле она близка знаменитой карлововарской воде. В Красноярском крае нашли... «нарзан». Я имею в виду Кожановское месторождение. На Северном Кавказе разведаны Кумское и Подкумское месторождения минеральных вод. В Приморье даже завод минеральных вод пришлось открыть — так ее тут много.

Хочу сказать еще об одном кладе — я имею в виду природный цветной камень, тот самый, о котором еще А. Ферсман сказал, что он в руках человека не забава и роскошь, а отличный материал, среди которого прекраснее и веселее жить. Ресурсы такого камня в нашей стране огромны, практически неисчерпаемы. Цветной мрамор, искристые кварциты, лунный камень, яшмы, граниты, амазонит, лабрадорит, нефриты, родонит, сердолик, доломиты, гагат — это и украшения и отличный строительный и поделочный материал.

К 50-летию
со дня рождения
Олеся ГОНЧАРА

ЗНАМЕНОСЕЦ МУЖЕСТВА И ЛЮБВИ

Двадцать лет назад он поднял свое знамя в литературе и несет его с честью по жизни, знамя мужественных людей, богатых чувствами и мыслями, деяниями и мечтами. Естественно, как дыхание, глубочайшее сознание своей исторической ответственности советских людей за жизнь на земле: если не мы, то кто же, кроме нас, прорубит дорогу в горах и лесах человеческих судеб? Историческую судьбу не выбирают по увлечению: она не невеста с монистами, народ не жених со сладкой приманкой в кармане щегольского костюма. Высока по масштабам исторического призвания нравственная ответственность героев книг сильного, гармоничного, лирически задушевного, философски пытливого, емкого дарования Олеся Гончара. Многозвучность и углубленную разветвленность национальной истории несут произведения этого народного художника слова, слова точного, яркого, пахнущего степными травами, солнцем, обрызганными росой садами. Благородные знаменосцы Гончара (а они во всех его книгах, а не только военных) на всю жизнь поселились в моем сердце, как те родные люди, что кохали, пестовали меня с детства. До его «Знаменосцев» война открывалась в сочинениях преимущественно первой поры оголтелого фашистского натиска и нашей тяжкой жертвенной обороны. Глубоко самобытный талант Гончара не повторил других, вместе с армией-освободительницей он шагнул через рубежи стран и литературы с упруго колыхавшимся знаменем избавителей человечества от бандитов на угрюмой философской закваске. Художник, как и народ, смарывает себя на нет, если он утрачивает чувство исторической преемственности, осознания себя в качестве созидателя настоящего и должника перед будущим. И никакое словесное суемудрие не спасет его от духовной слепоты. Всей системой образов, характеров, мысли говорят мне его книги: пусть бессмертные подвиги народов охраняют мастеров слова от нравственной близорукости. Емкая историческая памятливость водила остро отточенным пером художника, когда создавал он свои первоклассные книги «Таврия» и «Перекоп».

Огромная потенция художника и мыслителя позволила Гончару изобразить жизнь в сложном переплаве войны и мира. Не о себе, а о счастье народа, человечества изводятся сердцем герои его. Отзывчивость на мировые скорби и радости составляет одну из главных, высоких характерностей таланта Олеся Терентьевича Гончара. Отсюда, из этой душевной щедрости, лучится его любовь к человеку с его сложными сыновними связями с природой, с прошлым, настоящим и будущим.

Ко времени и к возрасту вспомнить нашей литературе, что великая ее предшественница — классическая литература — не поигрывала безответственно словом, не уставала исполнять обязанности нравственного учителя и наставника человека. Вот к такой работе зовет нас партия, своих помощников в воспитании человека коммунистического общества. Человек этот живет, работает, не глядит робко и завистливо чужому счастью в спину, он добывает счастье, как хлеб, как руду. Таковы герои произведений Гончара.

Он, художник, учась у жизни, соперничая с нею, волшебством слова переносит в книгу прижженную солнцем и обрызганную росой траву, занявшуюся зорю над украинской раздольной степью, подземный холодок родниковых, вставших на дыбки, выбивающихся струй. Из чувств, мыслей, поступков людей с их до щемящей боли краткотечной жизнью он создает нетленные образы, исполняя свой долг.

Мудрый чабан Горпищенко, чья жизнь прошла под звездами, ветрами и солнцем и чьи глаза стали сизыми от старости, будто линялое небо, выстригает овцам шерсть вокруг глаз, чтобы они не зарастали, а то, чего доброго, колючки выколют глаза.

С опущенным забралом бредет иной фактописец по жизни, и куцый глаз зрит в мельчайших подробностях подножное обиходное бытие, застревая на второстепенностях.

Художнический взор счастливого сына Украины Олеся не упирается в горизонт как бы пришитого к степи неба. Надежное дарование его преодолевает звуковые и тепловые барьеры временного, преходящего, как летчик Петр Горпищенко, проминающий небосвод громом своего реактивного самолета. Потому-то так неиссякаемо сильно нравственное излучение его книг, всегда возбуждающее в сердце самые здоровые творческие импульсы. Многообразно его творчество, соединившее строжайшую верность деталей быта с течением психологического процесса, возвышенностью и глубиной мысли. Он поэт-философ и философ-поэт. Время жизнеутверждения и решительной перестройки всех основ бытия, духовного уклада народа синхронно совпадает с пафосом поэтических книг Гончара.

Вылепленные им характеры различных психологических широт и темпераментов входят в обиход нашего сознания, как живые люди, близкие нам не одним только кровным родством, но и помыслами, душевной настроенностью. Потому-то и приемлет сердце изображенные писателем картины родной природы, быта, деяния людей, приемлет естественно, как наступление зари, разматывающей над степью красные знамена света. Солнце полдневное ласково высветлило степи Украины, заветренные лица чабанов, гневную решимость на лицах воинов, овеянных космическим холодом летчиков. Соразмерность художественного чувствования жизни и анализирующего интеллекта определила гармоническое единство содержания и формы книг Олеся Гончара, естественность саморазвивающихся характеров его героев. Чудесное это качество!

Я люблю тебя, Украина Олеся Гончара,— твой песенный, непостижимо одаренный народ, твои в белой пурге сады, морские и речные волны, перемешанные с солнцем, твои соловьиные зори, удаль твою вольнолюбивую, твой юмор нестареющий, яркую фантазию твою. И я, житель Волги, земно, по-сыновнему, кланяюсь тебе и говорю спасибо за то, что ты так богата талантами.

Григорий КОНОВАЛОВ,
г. Саратов.

МАЯКОВСКИЙ В ИЗДАНИИ «ОГОНЬКА»

От ранних стихов молодого поэта, увидевших свет в 1912 году, до знаменитого «Левого марша» тысяч и тысяч бойцов революции — таков состав первого тома собрания сочинений В. Маяковского, которое открывает серию «Библиотека отечественной классики», с этого года выходящую приложением к журналу «Огонек».

Стихотворения, трагедия «Владимир Маяковский», поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Война и мир», «Человек», пьеса в стихах «Мистерия-буфф» — все эти произведения расположены в томе в хронологической последовательности. В этом же томе статьи и выступления 1914—1918 годов и вся переписка поэта с родными; ряд писем публикуется впервые.

В книге читатели увидят эскизы костюмов к «Мистерии-буфф», портрет сестры поэта, Л. В. Маяковской, выполненные самим Маяковским, и ряд интереснейших фотографий.

Собрание сочинений В. Маяковского приурочено к 75-летию со дня рождения великого советского поэта — 19 июля этого года — и выходит тиражом 350 тысяч под редакцией Л. В. Маяковской, В. В. Воронцова и А. И. Колоскова.

Первый том только что вышел из печати.

М. Кугач (Москва). СЕМЬЯ В ПУТИ.

А. Клявинь (Рига). ГИМНАСТКИ.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Современность... В самых неожиданных проявлениях встает она со страниц рассказов Е. Носова. И когда читаешь, например, рассказ, открывающий сборник,— «В чистом поле за проселком», или другой рассказ, давший название книге,— «За долами, за лесами», видишь чудесное, согретое нежной писательской любовью повествование о деревенских детях, ни на мгновение не усомнишься, какое время описано в них. Нельзя без волнения читать «Подпаска». В другом рассказе, «Варька», читателю открывается целый мир сложных человеческих переживаний.

О значительных явлениях деревенского быта, о современной народной жизни Е. Носов пишет проникновенно, лирично. С завидным изобразительным умением, с особым поэтическим видением он воспевает красоты родного края.

В повести «Затмение луны», закрывающей книгу, автор рассказывает и о событиях последних лет в деревне, показывает достоинства и независимость суждений людей, их трудолюбие, одаренность, душевную красоту, их озабоченность делами и нуждами деревни, преданность земле. Вот Павел — он уже несколько лет руководит колхозом. Много ему пришлось повидать перемен в сельском хозяйстве. Но не сломили коммуниста Павла Чепурова никакие административные и агрономические вывихи и срывы. Он остался работать председателем, не бросил землю, не сбежал в город, как некоторые его товарищи. Он верил в лучшее и яростно боролся за него.

Жизнеутверждающие мотивы пронизывают всю повесть. И от того, что автор ведет своих героев трудными дорогами жизни, они становятся еще ближе нам своим оптимизмом и неподкупной правдивостью. Встретившись и познакомившись с ними, читатель как бы прикасается к чистым животворным родникам действительности. Писателю удалось заглянуть в глубины будничной, трудовой жизни своих героев, правдиво запечатлеть сложные переплетения человеческих судеб с их печалями и радостями.

Утверждая в своих произведениях современность, Е. Носов остро разоблачает тех, чьи жизненные принципы противоречат морали нашего общества.

Но для дарования Е. Носова особенно характерна мягкость поэтических красок, какой-то особый душевный подход к изображаемым событиям и персонажам, что помогает ему раскрыть прежде всего положительные, благородные черты людей. Каждый из рассказов, собранных в книге «За долами, за лесами», написан по-своему, в каждом — свой ключ к теме, к раскрытию характеров героев.

В этой книге мы видим, как все шире и шире становятся интересы Е. Носова, увереннее писательский почерк, все ближе насущные проблемы сегодняшнего села. Автор с живой страстью высказывает все то, что любит и ненавидит.

Виктор ШИШОВ

Евгений Носов. За долами, за лесами. Издательство «Советская Россия». 1967.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ ЕДИНСТВО «ДЕР ШПИГЕЛЬ» И «Ю. С. НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ»:

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ, ЛОЖЬ

В числе прочих событий первый месяц нового года был ознаменован в Соединенных Штатах посланием президента США Линдона Джонсона конгрессу о безработице в стране.

Причины, по которым американский президент решил начать 1968 год с такого послания, не представляют секрета. В этом году в США состоятся президентские выборы, и правлению демократов предстоит пройти нелегкое испытание на избирательных участках. И хозяин Белого дома заранее поторопился продемонстрировать перед страной «заботу о человеке».

Вот почему президент США называет массовую безработицу в Соединенных Штатах «трагической растратой человеческого духа и экономических ресурсов» и признает, что полмиллиона мужчин и женщин в руководимой им стране либо никогда не имели работы, либо сталкиваются с серьезными трудностями в ее поисках. Что касается цифры, названной Джонсоном, то ее можно принимать на веру, а можно и не принимать. О цифрах еще пойдет речь ниже. Послание конгрессу примечательно не статистической точностью, а признанием на высшем уровне того, что за годы своего правления Джонсон и его администрация не смогли избавить американского трудящегося от безработицы.

Впрочем, в интересах истины следует сказать, что этого не удавалось сделать и другим президентам — его предшественникам. За двадцать два послевоенных года, даже по официальным данным, число безработных в США никогда не бывало менее одного миллиона девятисот тысяч человек и нередко армия безработных приближалась к пяти миллионам. Подсчитано, что из-за безработицы Соединенные Штаты потеряли за этот период около двух триллионов человеко-часов. Сколько стоит за этими цифрами человеческих страданий, несбывшихся надежд, печали и трагедий!

В 1967 году в американской экономике снова стали проявляться признаки кризисного состояния. Американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в апреле прошлого года писал: «Взгляните на официальные цифры, которые указывают на тенденцию развития, и кажется ясным, что наша страна находится сейчас в периоде спада...» Слово «спад», однако, рассматривается как запрещенное слово. То, что происходит, описывается как «затишье», или как «пауза», или как «замедление», или даже как «отступление».

Но как бы ни называли в США кризисные явления, американскому рабочему от этого не легче. В середине 1967 года в главной стране капитализма число безработных перевалило за три с половиной миллиона человек. Журнал писал о 1967 годе: «Официальный прогноз министерства труда США состоит в том, что... безработица будет оставаться относительно стабильной, близкой к сегодняшнему низкому уровню — 3,7 процента от общей численности рабочей силы...»

Читателю для справки: 3,7 процента рабочей силы — это около трех миллионов людей. Хорош «низкий» уровень безработицы!

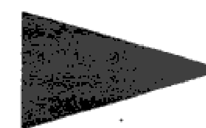
Президент Джонсон признал за безработицей характер национальной проблемы. Вместе с этим в США не существует по-настоящему действенной программы против безработицы, а экономическая система продолжает порождать ее иногда в меньших, иногда в больших масштабах.

Надо, наконец, сказать и о том, что проблема безработицы сегодня по-прежнему стоит и перед другими капиталистическими странами. В ФРГ, например, в прошлом году число безработных достигало 500 тысяч, увеличившись по сравнению с 1966 годом. Рост безработицы отмечен и в Англии и во Франции.

Читатель заметил, конечно, что мы цитировали здесь американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Это не случайно. Мы предпочли этот источник потому, что этот журнал не так давно выступил со статьей о безработице... в Советском Союзе. Смысл этого выступления понятен. В США от проблемы безработицы не спрятаться. Но можно, подумали редакторы этого американского журнала, хоть выкроить себе фиговый листочек из рассуждений о том, что безработица присуща-де и социалистической стране. Выступая так, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» присоединился к хору других буржуазных изданий, ловящих ту же рыбку в мутной воде собственных измышлений.

Одним из последних с очередной порцией дезинформации и лжи выступил также гамбургский журнал «Дер Шпигель».

Мы попросили видного советского экономиста Е. Л. МАНЕВИЧА, имя которого упоминают оба названных журнала, выступить в «Огоньке», прокомментировав эти статьи.

Профессор Е. МАНЕВИЧ,
заведующий сектором проблем труда
Института экономики Академии наук СССР

Дважд

Некоторые журналы капиталистических стран в последнее время проявляют повышенный интерес к проблеме занятости в Советском Союзе. Цель подобных статей — убедить своих читателей в том, что безработица существует не только в капиталистических странах, но и в СССР. Авторы этих статей, дабы придать весомость своим доводам, часто ссылаются на работы советских экономистов.

О том, насколько правдивы утверждения западных журналистов о безработице в СССР, я скажу чуть позже. Сначала о манере «цитирования» советских источников.

В конце прошлого года в гамбургском журнале «Дер Шпигель» появилась статья «Советский Союз: безработные». Статья эта имела весьма мало общего с нашей действительностью. Автор в подтверждение выдуманных им цифр и фактов сослался на советских экономистов, в том числе и на меня. Все, что было приписано мне, я никогда и нигде ни устно, ни письменно не утверждал. Я написал об этом редактору журнала и просил опубликовать мое письмо. Совсем недавно пришел наконец ответ. Редакция журнала (письмо подписал Фритьеф Мейер — иностранная редакция «Дер Шпигель») просила меня «простить за неточность» в цитировании моих работ. Оказывается, произошла «небольшая ошибка», и цифры, которыми воспользовался автор журнала, взяты не из моей работы, а из статьи В. Ягодкина и И. Масловой в журнале «Вопросы экономики» № 6, 1965 год. Я обратился к этому источнику, но и там ничего не говорится о том, что «$^2/_3$ уволенных шахтеров не в состоянии найти новую работу». Не говорится потому, что это неправда: всем рабочим закрывшихся шахт Подмосковного угольного бассейна тут же была предоставлена работа на других предприятиях, в том числе на заводах горнорудного оборудования, дорожных машин, автозапасных частей, пластмасс, гидрометприборов.

Пока редакция «Дер Шпигель» раздумывала, что ответить на мое письмо (на эти размышления ушло почти полтора месяца), за океаном, в США, вышел очередной номер журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» со статьей под весьма знакомым заголовком: «Кризис России: отсутствие работы». В ней нет того, что, на мой взгляд, совершенно необходимо для каждого выступления в печати: во-первых, квалификации автора (знания вопроса, о котором пишешь), во-вторых, информированности о фактическом положении дел и, в-третьих, научной добросовестности.

Автор и этой статьи дважды ссылается на мои выступления: «Профессор экономики Ефим Маневич сказал недавно, что в результате автоматизации 94 000 шахтеров лишились работы». И еще: «В Московской области $^2/_3$ уволенных шахтеров не были в состоянии найти новую работу, утверждает профессор Маневич». Ну точно, как в «Дер Шпигель». Бывают же такие совпадения! В статье, разумеется, не говорится, ни где это я «недавно сказал», ни где я это «утверждал». Но тайны тут нет никакой. Заокеанскому журналисту, вероятно, очень подошли для обоснования собственных выдумок выдумки немецкого коллеги. И получилась очень заманчивая картина: в СССР, как и в капиталистических странах, возникла массовая безработица. «Шаги по усовершенствованию промышленности приводят к сокращению спроса на рабочую силу,— вещает заокеанский автор.— Безработица, по общему мнению, невозможная при коммунистической системе, возрастает с такой быстротой, что это вызывает беспокойство в Кремле». Совершенно очевидно, что автор желаемое выдает за действительное.

В нашем социалистическом хозяйстве есть сложные, в том числе и нерешенные проблемы. Многие из них мы стремимся разрешить в ходе экономической реформы. Но у нас нет проблемы безработицы. Мы ее решили почти 40 лет назад, когда развернулось широкое строительство новых предприятий, когда была в основном осуществлена коллективизация сельского хозяйства. С тех пор из года в год росла численность рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства.

Если уж говорить об острых проблемах социалистической экономики, то они совсем иные. Проблем этих мы не скрываем. Вот они: как обеспечить работниками непрерывно развивающееся народное хозяйство и огромные неосвоенные районы страны, за счет каких источников можно пополнить рабочий класс, интеллигенцию, каковы они, пути рационального использования рабочей силы.

Об актуальности этой проблемы можно, в частности, судить по тому, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли недавно специальное постановление о мерах по обеспечению капитального строительства кадрами. В нем отмечается, что в ряде районов страны стройки испытывают острый недостаток в рабочих и инженерно-технических работниках, и намечены меры, призванные усилить приток работников в строительство и улучшить их подготовку.

Проблемы эти горячо обсуждаются, исследуются. Интерес к ним тем более велик, что, с одной стороны, наше народное хозяйство все острее ощущает недостаток работников, а с другой — новая система планирования требует экономно вести хозяйство, а значит, разумно, рационально использовать трудовые ресурсы.

Я вынужден напомнить эти азбучные для нас истины, ибо просто диву даешься, читая выступления некоторых буржуазных экономистов: знают ли эти «знатоки» советской экономики, что дважды два — четыре? Нет, они пытаются доказать своим читателям, что дважды два — пять.

Пожалуй, среди всех этих «знатоков» и «специалистов» автору статьи упомянутого американского журнала принадлежит пальма первенства. Журнал утверждает, что в СССР «число людей, ищущих работу, продолжает увеличиваться в основном из-за огромного роста рождаемости».

Весьма любопытное утверждение. Очень типичное для западных методов пропаганды. Все делается по одной схеме: берется проблема нашей экономики, ставится с ног на голову, а потом за уши притягивается как аргумент в доказательство существования безработицы в СССР. Неважно, какая проблема,— лишь бы дать понять людям, что и социализм победить безработицу не в силах.

Но как же можно писать о росте рождаемости в СССР, если из официальных статистических данных известно, что в силу ряда причин (среди которых немаловажное значение имеет все еще доносящееся до нас эхо минувшей войны) в последние годы падает рождаемость и уменьшается прирост населения?

Нас тревожит, что через несколько лет уменьшение рождаемости неизбежно скажется на уменьшении прироста трудовых ресурсов страны и особенно людей самых активных возрастов. Прирост населения в текущей пятилетке у нас, к счастью, еще высок. Однако необходимо учесть, что в СССР вводится обязательное всеобщее среднее (десятилетнее) образование. В связи с этим фактически отодвигается начало трудовой деятельности молодежи. Обстоятельство, доставляющее немало огорчений некоторым хозяйственникам, которые испытывают недостаток в рабочей силе, хотя они и понимают, что обязательное десятилетнее образование — дело необходимое, прогрессивное. А американские фальсификаторы утверждают, что в СССР введение всеобщего среднего образования вызвано не чем иным, как «попыткой подольше удерживать молодежь в школе и тем самым подальше от биржи».

Абсолютно по той же схеме препарирует журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» проблему привлечения рабочей силы в восточные районы Советского Союза. У нас каждый школьник знает, сколь важно для советской экономики развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока. И сколь важно в этой связи привлечь в те районы как можно больше людей. А американский журнал убеждает своих читателей, что для русских «освоение Сибири» — это только путь «решения вопроса о безработице».

Проблема привлечения рабочей силы в исключительно богатые природными запасами районы Сибири и Дальнего Востока пока решена далеко не полностью. На эти районы приходится свыше половины всей территории СССР, а проживает там только 10—10,5 процента населения страны. Вообще население СССР, а соответственно и трудовые ресурсы размещены у нас крайне неравномерно. В то время как средняя плотность в СССР составляет (по данным последней переписи) 9,4 человека на 1 кв. км, в Якутской АССР и в Магаданской области — 0,2, в Дальневосточном районе — 1,4, в Молдавской ССР — 85,6, в Донецкой области — 160,8, а в Андижанской области (Узбекистан) — 181,7.

Как известно, XXIII съезд партии наметил программу большого хозяйственного стро-

Ы ДВА=ПЯТЬ?

тельства на востоке страны. Но для того, чтобы выполнить эту программу, нужны работники различных профессий и специальностей. Только за 20 лет, прошедших между двумя последними переписями населения (1939—1959), число жителей Западносибирского района увеличилось на 28, Восточносибирского — на 34, Дальневосточного — на 70 процентов. Рост населения в этих краях был значительно большим, чем в других районах СССР. И тем не менее работников там не хватает, партия и правительство принимают решительные меры, чтобы усилить приток рабочей силы в отдаленные районы страны, где найдены богатейшие запасы нефти, газа, где развертывается гигантское строительство. Но для американского журнала все это ровным счетом ничего не значит. Он знай свое твердит: «Сибирь осваивают, чтобы ликвидировать безработицу».

Ссылаясь на некоего Дмитрия Поспеловского — «британского специалиста по советским делам», журнал сообщает, что «имеющиеся в нашем распоряжении цифры показывают, что только около 5 миллионов русских из 14 ищущих работу при нынешнем пятилетнем плане получат работу в промышленности. Это означает, что 9 миллионов человек или уйдут в «непроизводственные сферы экономики», такие, как торговля, обслуживание, или будут числиться безработными».

Пусть эти взятые с потолка цифры останутся на совести «британского специалиста по советским делам» и журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», но мне как экономисту неясно, почему автор называет этих людей безработными, если, как он сам утверждает, 5 миллионов из них получат работу в промышленности, а остальные в непроизводственной сфере? Нам сейчас крайне необходимо быстро развивать эту сферу. Мы должны значительно увеличить число людей, занятых особенно в торговле, коммунальном хозяйстве, в различного рода предприятиях бытового обслуживания. По пятилетнему плану намечено увеличить к 1970 году объем бытовых услуг, оказываемых населению, примерно в 2,5 раза. Это потребует очень много работников. И, к сожалению, мы еще не решили эту проблему. Если бы мы действительно смогли привлечь такое количество работников в «непроизводственные сферы экономики», мы считали бы это благом.

Американский журнал проявляет «трогательную заботу» о населении наших малых городов: там-де, мол, «имеется меньше возможностей найти работу». Но при этом в статье, конечно, ни слова не говорится о том, что сейчас реализуются Директивы XXIII съезда партии: в целях улучшения использования трудовых ресурсов и более равномерного размещения промышленности новые предприятия строятся главным образом в средних и небольших городах с учетом необходимости использования там мужского и женского труда. Проблема малых городов привлекает внимание советских экономистов. Вносится много предложений о вовлечении в общественное производство трудящихся, занятых сейчас в домашнем и личном подсобном хозяйстве, о развитии сферы услуг в малых городах, о создании там небольших специализированных предприятий — филиалов крупных заводов и т. п.

Автор статьи предсказывает, какие нас ждут, как он пишет, «еще большие трудности впереди»: «Количество людей, ищущих работу, вне сомнения, будет увеличиваться. Женщины, освобожденные от некоторых домашних забот с помощью большого количества приборов, облегчающих домашний труд, ищут работу, чтобы повысить свой семейный бюджет». Верно, что мы стараемся облегчить труд женщин в домашнем хозяйстве. Но вот женщин, ищущих работу, становится, к сожалению, все меньше и меньше. И мы думаем о том, что еще нужно сделать, чтобы привлечь женщин, занятых в домашнем хозяйстве, а также пенсионеров к участию в общественном производстве, как материально заинтересовать их. И правительство приняло специальное постановление, рекомендующее руководителям некоторых предприятий и учреждений принимать на работу трудоспособных пенсионеров, получающих пенсию по старости. Им выплачивается (помимо заработной платы) 50 процентов назначенной пенсии, а пенсионерам, работающим на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока,— 75 процентов назначенной пенсии. Вот и хочется спросить редактора «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»: можно ли представить такую ситуацию, когда в стране безработица, а правительство материально заинтересовывает пенсионеров, привлекая их к труду?

В таком же неприглядном положении оказался американский журнал, когда он утверждает, будто бы из-за невозможности найти работу даже квалифицированные рабочие «уезжают назад в совхозы или деревни и по пути они встречаются с молодыми людьми, покинувшими эти же совхозы и деревни в поисках работы в городе». Вот какая нарисована ужасная картина: оказывается, нигде нет работы — ни в городе, ни в деревне. О городе мы уже сказали: еще никто не смог доказать, что $2 \times 2 = 5$. Теперь о деревне.

Действительно, часть сельской молодежи стремится переехать в город. Из года в год увеличивается численность городского населения и соответственно уменьшается сельское. Вот цифры ЦСУ.

Изменение численности городского и сельского населения (в % ко всему населению)

	1913	1920	1926	1939	1961	1966
Городское	18	15	18	33	50	54
Сельское	82	85	82	67	50	46

Да, в СССР происходит интенсивный процесс урбанизации. И в дальнейшем по мере развития технического прогресса и роста производительности труда в сельском хозяйстве число людей, занятых там, будет уменьшаться, а число занятых в промышленности, транспорте и особенно в сфере нематериального производства — расти. Но вот что скрывает от своих читателей американский журнал: и в деревне сейчас ощущается некоторый недостаток квалифицированных рабочих, особенно механизаторов — трактористов, комбайнеров, шоферов.

А чтобы более рационально использовать труд крестьян, обеспечить полную занятость сельского населения не только в страдную пору, но и в течение всего года, всячески поощряется развитие подсобных предприятий и промыслов по переработке сельскохозяйственных продуктов, сбору и переработке дикорастущих плодов, ягод, грибов, по переработке картофеля на крахмал и спирт, а также производство строительных материалов, тары, товаров народного потребления и др. При колхозах и совхозах создаются сезонные филиалы промышленных предприятий. По подсчетам советских экономистов, благодаря этим мерам, которые должны обеспечить круглогодовую занятость сельского населения, в колхозах и совхозах может быть создана дополнительная продукция на сумму около 8 миллиардов рублей, что весьма выгодно и деревне и городу.

Казалось бы, что можно возразить против таких мер социалистического государства? А «Уорлд рипорт» спешит объявить эти меры не чем иным, как средством ликвидации безработицы.

И последний «аргумент», призванный доказать, что в СССР возникла безработица: «Механизация и автоматизация индустрии продолжают вызывать сокращение количества работы... Плановики считают, что дальнейшая модернизация лишит работы более 2 млн. человек к 1971 году...»

О проблеме высвобождения рабочей силы в связи с техническим прогрессом мы, советские экономисты, пишем сейчас гораздо чаще, чем раньше. Она нас действительно волнует. Но совсем по другим причинам.

Всем известно, что внедрение новой техники и рост производительности труда должны, как правило, сопровождаться определенным высвобождением части рабочей силы. В наших, социалистических условиях, когда многие экономические районы и предприятия (особенно вновь вводимые в строй) остро нуждаются в работниках, этот процесс высвобождения может и должен стать одним из источников обеспечения рабочей силой новых и развивающихся предприятий, отраслей, районов.

Проблема эта вызвала дискуссию среди советских экономистов. Обсуждается, в частности, вопрос о том, как наилучшим образом заинтересовать коллективы предприятий в высвобождении рабочей силы, как организовать переподготовку тех людей, профессии которых утрачивают свое значение благодаря технической революции. И все это не потому, что у нас безработица, а потому, что у нас не хватает рабочих, инженеров, техников и мы хотим наиболее рационально использовать имеющиеся у нас трудовые ресурсы.

К каким же выводам приходит американский журнал после всех своих измышлений? «В результате всего этого,— пишет он,— как предсказывают специалисты по советским вопросам, Кремль будет вынужден прибегнуть к увеличению числа частных предприятий, чтобы обеспечить людей работой».

Вот, оказывается, где собака зарыта, вот о чем мечтают за океаном: не социалистическая система хозяйства, а капитализм может обеспечить людей работой. Что же, «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» не оригинален. Мечтали и до него — в двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы. Я надеюсь, что подавляющему большинству читателей «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» хорошо известно, чем все это кончилось. Их не проведешь, им не докажешь, что $2 \times 2 = 5$!

Николай ШУНДИК

Рассказ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

Есть такой

Вадим преследовал рыжего парня и сам над собой издевался: «Ну, догонишь, а что будет дальше? Баптистскую проповедь прочтешь? Или вы, сэр, сразу же в боксерскую изготовку встанете? Да какой из тебя боксер!»

Надо сказать, что Вадим никогда не испытывал почтения к собственной персоне. А теперь был особенно недоволен собой: «Почему я оказался, по существу, нейтральным в такую минуту, когда надо было хоть как-то показать, чем ты дышишь? Или усваиваешь стиль умненькой молчаночки? Разве не знаешь, какие порой серенькие людишки скрываются за такой вот молчаночкой?»

Раньше он предпочитал задавать вопросы другим, с неутомимой, порой даже въедливой любознательностью, часто с бесстрашной категоричностью. Иногда вопросы эти оборачивались для него неприятностями, особенно когда звучали слишком дерзко. «Нигилист»,— слышал он в ответ.

Вокруг Вадима начала сколачиваться группа студентов, ребят шумных, с амбицией. Каждый был абсолютно убежден в самом высоком своем жизненном предназначении. Было что-то очень обаятельное, свежее, смелое во всех этих парнях. Вадим называл их всех «спинозами», хотя далеко не в каждом из них видел грядущее светило, которому суждено стать властителем дум. Некоторым из них он без обиняков говорил: «Да какой же ты Спиноза, ты просто мелкая заноза, булавочкой ковырнул, и нет ее».

Роль признанного вожака была приятна Вадиму, ему нравилось, что его прозвали магистром, и он старался быть среди товарищей самым активным, бесстрашным. Вопросы свои порой обдумывал часами, чтоб была в них сногсшибательная неожиданность, глубина и весомость. Предварительно искал ответы на них в самых разных по своему направлению книгах, извлеченных бог весть из каких архивов.

Однажды на один из таких вопросов профессор, очень уважаемый ученый в Ленинградском университете (а Вадиму он казался самой яркой личностью, с которой до сих пор сталкивала его судьба), сказал ему:

— Вопрос, молодой человек, у вас глубоко продуман и вполне законен. Но вот беда — тон, почему тон у вас прокурорский? Похоже, что вы считаете вправе не просто уяснить для себя непонятное, а допрашивать некоего подсудимого, вина которого для вас якобы совершенно очевидна. Смотрите, так в человеке прорастает то самое, что вы, судя по всему, яростно не приемлете: нетерпимость, подозрительность, недоверие, отчужденность, неприязнь к ближнему по мотивам ложным, что называется, высосанным из пальца. Когда в душе прорастает такое зерно, человек уже не может быть объективным, ему нужен недруг во что бы то ни стало, и он начинает выдумывать его, преувеличивая мелочи, фальсифицируя факты.

— Но позвольте! Я же...

— Вы удивлены? — мягко перебил Вадима профессор.— Вам кажется, что именно против всего этого вы как раз беспощадно боретесь?

— Именно, именно так! — несколько запальчиво подтвердил Вадим и тут же сконфуженно умолк.

— Глубоко ошибаетесь,— все так же мягко, даже участливо возразил профессор.

И, однако, Вадим не мог не заметить за этой мягкостью напряженную озабоченность в голосе, во взгляде упрятанных под косматыми белесыми бровями медвежьих глаз профессора. Крупная, тяжелая голова его с серебристым ежиком, казалось, стала еще тяжелее. Профессор прожил трудную жизнь, немало лет он пробыл где-то далеко, в северных краях. И сейчас, несмотря на преклонные годы, он, когда выходит к кафедре, крупный, узловатый, кажется необычайно динамичным, неукротимым.

— Подумайте о медали, у которой всегда две стороны. И оборотная ее сторона отнюдь не антитеза лицевой. Сейчас вы поймете, к чему я клоню.— Профессор выждал, внимательно разглядывая Вадима, как бы прикидывая, с какой еще стороны ему подойти к этому молодому человеку.— Не верьте злым, шипящим, брюзжащим, вопящим. Их манера жизненного поведения не гражданская смелость, это неврастения тех, кого заели блохи собственного неудовлетворенного тщеславия. Это скулеж несостоявшейся личности. Уверяю, такие в свое время очень настырно разоблачали «врагов» народа, уж поверьте, на этих у меня особый нюх, узнаю голубчиков, в какую бы одежку они ни рядились. Они всегда разоблачают то, что модно разоблачать по мотивам политиканским. Теперь их тоже донимает зуд разоблачительства. Они очень мешают честным, умным людям вести тонкую, страшно сложную работу по искоренению пережитков нашего, так сказать, вчерашнего дня, в котором, кстати замечу, было много и прекрасного, воистину героического. Так зачем же теперь чуть ли не все мое поколение обвинять? Неужели только потому, что мы, видите ли, родились не в пятидесятом году, а гораздо раньше? Вот так, не выносите раньше времени приговор другим, а то ведь можете сами ока-

заться подсудимым, и прежде всего перед собственной совестью...

Несколько дней ходил Вадим после этих слов угрюмый и в то же время как-то очень сконфуженный. В глазах мрачноватый огонек, а на лице едва приметная смущенная улыбка. Он никак не мог отделаться от мысли, что уже когда-то слышал подобные слова, и не от когонибудь, а от родного отца. Правда, сказаны они были не так четко, а вот смысл, смысл... И еще одно обстоятельство приходило ему на ум. Помнится, отец сказал ему эти слова, когда вспоминал о битве с фашистами на острове Сарема.

Повинуясь какому-то неосознанному чувству, Вадим после разговора с профессором перерыл все книги, в которых можно было прочесть об острове Сарема. А потом, к своему изумлению, догадался, что пытается сочинять стихи, все время повторяя первую запевную строчку: «Есть такой остров Сарема».

После этого в жарких спорах он вдруг задавал оппоненту один-единственный вопрос: «А ты знаешь, Спиноза-заноза, что есть такой остров Сарема?» И опять умолкал, напряженно думая о чем-то своем. Или, когда надо было посрамить инакомыслящего, он иронически кивал головой, затем предостерегал с таинственным видом: «Ничего, ты еще узнаешь, что такое остров Сарема».

Грозил мысленно Вадим показать, что такое остров Сарема, и рыжему парню, за которым шел неотступно, намереваясь настигнуть в каком-нибудь уединенном уголке. Грозился, а сам видел в воображении этот остров в трагическую пору 14 сентября 1941 года, когда отец его в последний раз вышел в эфир: «Радиовахту закрываю, иду в бой, в последний бой».

Правда, отец тогда все-таки чудом спасся, и у него было еще много боев, но остров Сарема ему запомнился на всю жизнь. Странно, что он ни разу не рассказывал о своей последней радиограмме. Вадим об этом узнал из журнальной статьи.

И вот с той минуты, куда ни глянет он, бушуют перед ним воображаемые волны Балтийского моря, пробивает толщу ночной мглы, переполненную грохотом шторма и морского сражения, тревожная морзянка. Звуки ее иногда настолько переполняют Вадима, что он невольно закрывает уши и повторяет с таким чувством потрясения, будто события эти происходят именно сейчас, и не кому-нибудь, а именно ему довелось принять страшную радиограмму: «Иду в последний бой». И через минуту еще два слова: «Прощайте! Прощайте!»

Нет, не в холодном рассудке, помимо воли Вадима, возникла первая запевная строка: «Есть такой остров Сарема». Пробилась, как тревожная морзянка, и вторая строка. Вот еще одна точка, еще тире, еще один вскрик чайки, удар волны, человеческий вздох, и появится слово, несколько слов в том единственном необходимом сочетании, когда чувство наконец становится изреченным.

Он так и сказал своим друзьям-«спинозам», с иронической торжественностью, по привычке высмеивать все высокопарное, становясь в позу человека, изрекающего высокие истины:

— Вот в этой изреченности чувства, наверное, и кроются загадки поэзии.

— О чем ты, Вадим? — спросили у него.

— Потерпите, «спинозы», я и сам не пойму. Наитие какое-то на меня нашло.

Друзья многозначительно переглядывались: не тронулся ли, мол, их магистр умом? Вадим понимал все это, но ничего не делал, чтоб друзей успокоить. О том, что он пытается сочинять стихи, его не заставили бы признаться даже под пыткой. Он и сам боялся признаться себе в этом, стесняясь почти болезненно.

И только вот сегодня, до встречи с рыжим парнем, прогуливаясь по городу Пушкину, Вадим пришел к выводу, что ничего в том не будет предосудительного, если он попробует сочинить стихи.

«Эх ты, неужели сообразить не можешь, что привело тебя в город Пушкина? Ну, дошло теперь? Вот войдешь в Лицейский сад, глянешь на юного Пушкина, и вся твоя стихотворская блажь, как дым, улетучится».

Вадим один раз подошел к памятнику Пушкину, другой, а проклятое наитие не проходило. Покинул Лицейский сад, побрел куда-то поперек уличного движения, возмущаясь тем, что тормоза автомобилей визжат так невыносимо пронзительно. Ведь от этого пропадает тот воображаемый далекий грохот у острова Сарема, а вместе с ним уходят, так и не выявив себя как следует, слова второй строки. Вернее, их было много, очень много слов и второй и четвертой, быть может, десятой строки, но ни одно из них не давало душе облегчения, искры не было. Тучи клубятся, а молнии нет. Сейчас, сейчас придут именно те слова, которые дадут долгожданную разрядку, вынырнут откуда-то из немыслимой глубины, надо только не прозевать миг...

Все эти мучения застали Вадима врасплох. Ведь ему и в голову не приходило, что он будет когда-нибудь писать стихи. Удивительно незнакомое ощущение! Было оно настолько изнурительным, что Вадим порой казался себе тем немым, который мучился в отчаянной надежде: вот сделает он еще одно невероятное усилие, и совершится чудо — он заговорит.

Но чуда не происходило, немота по-прежнему изнуряла. У Вадима даже язык пересох. Захотелось пить. Подошел к киоску, встал в очередь за пивом, повторяя мысленно: «Сарема, Сарема. Есть такой остров Сарема».

Человек пять пожилых людей и рыжий парень, который стоял впереди всех, молча грелись на солнце, терпеливо ждали, когда киоскерша наконец наладит насос, начнет качать пиво из новой бочки. Никто из них и понятия не имел, что происходило с Вадимом.

К очереди подошел какой-то неестественной походкой с тяжелой тростью мужчина в годах. Был он худ, с впалыми щеками. Мужчина с тростью слегка стукнул Вадима по плечу и спросил сипло, с одышкой:

— Ты, сынок, последний?

Вадим мучительно поморщился, не в силах понять, о чем у него спрашивают.

— Да ты, милый, будто лунатик,— сказал мужчина с тростью. Затем подошел к прилавку и протянул деньги киоскерше, опередив рыжего парня.

После этого и произошло такое, что заставило Вадима преследовать Рыжего. Он шел и шел за ним, забыв о стихах, подхлестывая себя злыми вопросами: «Тебе не нравится, когда не очень лестно говорят о твоем поколении? Не нравится, что тебя стригут под одну гребенку вот с этим Рыжим? А почему ты там, на глазах этих разъяренных, а по существу, обиженных людей, не доказал, что Рыжий одно, а ты — совсем другое?»

Рыжий, видимо, догадывался, что Вадим маячит за его спиной не зря. Оглянулся, ускорил шаг и вдруг остановился. Вадим тоже приостановился. «А не послать ли его к дьяволу и заняться своими делами? Все равно ничего не поймет.— По лицу Вадима проскользнула нервическая усмешка.— Ишь ты, какой выкинул финт! Ай да Вадим! Слава тебе, поросячий хвост, воображающий себя штопором».

А Рыжий, видимо, почувствовал нерешительность в Вадиме, совсем успокоился, медленным шагом свернул в Лицейский сад и пошел прямо к памятнику юному Пушкину. Вадим тоже свернул в Лицейский сад, присел на скамеечку. Чтобы наконец прийти к какому-то определенному решению, мысленно вернулся к событиям у киоска с таким чувством, словно хотел пережить все заново.

Главное началось после того, как мужчина с тростью протянул киоскерше деньги, не желая стоять в очереди. Рыжий парень вежливо, но настойчиво отвел его руку и сказал:

ОСТРОВ САРЕМА...

— Не пущу. Из принципа.

— Ишь ты какой принципиальный,— миролюбиво ответил пожилой мужчина.— Порядок, поди, сынок, любишь. Это очень хорошо.

— Люблю порядок,— упрямо подтвердил Рыжий. И когда киоскерша все-таки взяла деньги не у него, а у мужчины с тростью, взъярился: — Да что это в самом деле? На каждом шагу безобразия! Хватит с меня, я сыт по горло.

— Да угомонись ты, блюститель порядка,— прогудел чей-то бас в очереди.— Это же инвалид Отечественной... Обе ноги потерял, навострился топать по земле-матушке на протезах... Вот и притопал пивка попить...

— Сочиняйте,— гнул свое Рыжий.— Тычет тебе всякий в нос, будто я виноват, что мама меня не в ту эпоху на свет произвела... Все это уже история!

Лицо у мужчины с тростью посерело, отчего щеки его, казалось, провалились еще глубже. Вадим ждал, что инвалид сейчас закричит, в крайнем случае скажет что-нибудь очень горькое, а он слегка кивнул в сторону киоскерши и попросил с невеселой усмешкой:

— Отдай, голубушка, кружку законнику. Пусть пиво прихлебывает. Потешим сынков наших славных, они же наиглавнейшие герои теперь...

И тут Вадим пережил какое-то особенно мучительное мгновение: рыжего парня он явно возненавидел, но и невзлюбил человека со впалыми щеками как самого лютого обидчика.

«Конечно, прав он, во многом прав, это просто подло так говорить, как этот Рыжий. Но зачем он и ко мне адресуется? Откуда он знает, что у меня на душе? Да если вы, уважаемые дяденьки, вот так всех нас желчью своей поливать станете, так мы же волей-неволей пропитаемся ею».

Это уже был спор не с Рыжим, а с покалеченным пожилым человеком, и от этого Вадиму было особенно не по себе.

А инвалид подмигнул кому-то в очереди, ударил в ладоши.

— Извините, сынки, свиста-твиста вашего не смогу исполнить, а вот камаринскую откаблучу.— Преодолев одышку, сипло запел камаринскую, начал тяжело притопывать, изображая пляску.

— Петрович, хватит!— опомнился кто-то в очереди.— Что ты из-за пустельги в такое расстройство вошел!

— Дайте сопляку затрещину!— загудел бас.— Пусть идет молочко пить.

Инвалид тяжело дышал, вытирая платком лицо, а очередь шумела, язвила на все голоса. И только один Вадим все так и не мог сказать ни слова. Рыжий, втянув голову в плечи, смотрел себе под ноги, и кружка его с пенящимся пивом на прилавке оставалась нетронутой. Но вот он неуверенно протянул к ней руку, осторожно приподнял и медленно протянул инвалиду.

— Ишь ты, пропекло до печенок,— загудел злорадно бас.

А мужчина с тростью улыбнулся сконфуженно, даже как-то виновато и признался Рыжему, будто в немалом грехе:

— Не обессудь, сынок, не смогу принять, все еще муторно мне.

Мужчины с подчеркнуто отчужденным видом пили пиво, отворачиваясь от рыжего парня, а он все еще стоял с нетронутой кружкой, не то стыдясь своего поступка, не то все еще не желая сдаваться. И вдруг выплеснул пиво на землю и пошел прочь.

И опять взъярились мужчины в очереди. Было похоже, что они чувствуют себя так, будто Рыжий плеснул им из этой злополучной кружки прямо в лицо. Тут и не стерпел Вадим, решил во что бы то ни стало догнать Рыжего и объясниться с ним.

И вот догнал. А что делать дальше, не знает.

На одну из скамеечек подсела девушка. Рыжий не замедлил сесть с ней рядом. «Сейчас наверняка, скотина, приставать станет. Вот тут мы и разочтемся». Вадим даже настороженно приосанился, как бывает с человеком, который призывает себя к хладнокровию не затем, чтоб сдержать свои чувства, а как раз наоборот: если обстоятельства потребуют — готов на самые крайние меры, связанные с любым риском.

А Рыжий пока ничего такого не делал, что могло бы дать повод Вадиму для решительных действий. Скорее наоборот, с отрешенным видом разглядывал памятник Пушкину, не обращая на соседку никакого внимания. А девушка по виду совсем простушка, и не исключено, что на любую возможную шуточку Рыжего хихикать станет, и тогда Вадим окажется совсем в глупом положении.

Встать и уйти? Наверное, это было бы умнее всего. «Эх ты ж, дорогой мой умница, ну, просто паинька. Попетушился перед самим собой, пережил минуту благородного гнева, и все — чист, как стеклышко, извольте кушать мармелад».

Рыжий закинул руки на затылок. Можно было подумать, что он окончательно успокоился и совершенно забыл о Вадиме. И вот наконец он заговорил, вернее, совсем тихо, чуть напевно начал читать стихи Пушкина:

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой...

И тут же сам поник головой. Вышло это у него с такой простодушной шутливостью, что девушка невольно рассмеялась.

— Вот и я до смерти люблю Пушкина. Все места в Ленинграде и под Ленинградом, с ним связанные, посмотрела. Сюда специально приехала, только что в четырнадцатой комнате в лицее побывала, где жил он.

Явно застигнутый врасплох, чем-то больно уязвленный, Вадим напряженно ждал, что скажет в ответ Рыжий. А тот грустно посмотрел на девушку и отозвался невесело:

— Был и я сегодня там с утра. Психологический опыт проводил.

— Опыт? А ну расскажите. Кстати, как вас зовут? Меня Таней.

— Меня Семеном,— вроде бы даже нехотя ответил Рыжий.— Опыт дурацкий, конечно...

— Не пойму я вас что-то,— призналась Таня, всем своим видом показывая, что понять Семена ей очень хочется.

Был крайне озадачен и Вадим. Он даже весь подался вперед, предчувствуя, что жизнь ему сегодня преподаст еще один урок.

— Сдавал я в Ленинградский университет... на исторический. Шел на пятерки. И вдруг по истории СССР мне влепили тройку. Постарался экзаменатор, молодой такой, белобрысый, с гоголевским хохолком, ну тем самым хохолком, когда Николай Васильевич был в летах моего экзаменатора. И вот Гоголь этот, понимаете ли, окрестил меня ортодоксом...

Заметив, что Вадим встал, Рыжий махнул ему рукой: иди, мол, сюда, рассказываю все это, быть может, больше для тебя, чем для этой девушки. Так по крайней мере прочел его взгляд и жест Вадим.

Чувствуя себя обескураженным, Вадим шел медленно, походкой, которая должна была означать, что агрессивных своих намерений он вовсе не бросает, мол, тут еще надо во всем как следует разобраться, чтобы не оказаться простаком.

Когда Вадим остановился у самой скамейки, Рыжий попросил его жестом сесть рядом и, кивнув девушке, пояснил:

— Этот парень, слава богу, возненавидел меня настолько, что ему захотелось мне надавать по шее.

— Ничего не понимаю,— встревоженно сказала Таня, окончательно сбитая с толку. Перевела вопросительный взгляд простодушных васильковых глаз на Вадима.

А Вадим искал нужную манеру поведения в столь неожиданном случае. Конечно, он постарается быть сдержанным, разумеется, корректным, но если почувствует подвох... тогда Рыжему несдобровать. Встречал Вадим и таких фокусников: был черным, гоп — стал белее самого невинного голубчонка.

— Начинать сначала или ты все слышал?— спросил Рыжий настолько простецки приятельским тоном, что Вадим невольно подумал: «А не исключено, что ты, батенька, из фокусников. Уж больно легко тебе фамильярный тон дается, не хватает только, чтобы меня корешем назвал».

— Излагайте, Семен, дальше,— подчеркнуто на «вы» сказал он.— Только без художественной фантастики, а я постараюсь разобраться что к чему.

— Я уж обо всем по порядку. Мысли тут у меня некоторые будут... обкатывал я их в своей рыжей башке сотни раз...

— Тем лучше,— суховато и несколько нетерпеливо заметил Вадим: давай, мол, приступай к главному, я не из тех, кто теряет время в пустой болтовне.

— Сначала было все хорошо... я имею в виду экзамен. Развиваю мысль, что у меня тяга к исторической науке не случайная. Нынче, говорю, молодежь особенно хочет знать правду, желает собственным умом дойти до каждого более или менее значительного факта.— Рыжий подставил веснушчатое лицо солнцу, зажмурил глаза. Что-то горестное, даже по-детски беспомощное увиделось в нем в эту минуту Вадиму.

— Дальше,— уже мягче попросил он.

Семен вяло опустил руки на колени.

— Гоголь мой улыбается, довольный такой, светится, что тебе ясный месяц. Ну а я стараюсь показать самостоятельность мышления, развиваю, значит, такую концепцию. Бурные исторические периоды в жизни человечества не сразу удается точно оценить участникам этих событий, потому что здесь особенно сильны пристрастия, повышенная эмоциональность осложняет суждения. Когда люди творят великое, у них и ошибки порой приобретают поистине трагедийный накал, а где уж тут до объективности...

— Что ж, по-моему, все это очень верно,— сказала Таня, восторженно глядя на Семена. Потом перевела взгляд на Вадима: мол, почему молчишь, да заговори наконец, откройся, кто ты есть на самом деле.

А Рыжий продолжал, видимо, стараясь приглушить свои огорчения спокойным, повествовательным тоном, будто рассказывал не о себе, а о ком-то другом:

— Вижу, мой Гоголь начинает мрачнеть. Наконец не выдержал, спросил ядовитенько: «Интересно, куда вы все-таки клоните?» А я чистосердечно признаюсь, что нам, будущим историкам, надо особенно развивать в себе чувство чистейшей объективности, надо суметь подняться на огромную высоту, с которой будут глядеть на события бурной жизни нашей потомки. Во куда, братцы, покорный ваш слуга загнул! С пафосом доказываю, что историкам надо отойти от огромного здания, воздвигнутого нами, как можно дальше, в смысле глубины научного анализа, широты взглядов, чтобы увидеть это здание во всей композиции. А если упереться лбом в одну какую-нибудь выщербленную колонну, то может прийти на ум, что она была лишней, никакой роли не играла... И тут грозный судия у меня и спрашивает: «А не кажется ли вам, молодой человек, что вы хотели бы кое-что оправдать из того, чему оправданий нет и быть не может?.. Вы явно поете с голоса такого человека, который по крайней мере в три раза старше вас и потому успел изрядно нагрешить в жизни». А я ему отвечаю: нет, почему же, мы сейчас восстанавливаем добрые имена многих истинных ленинцев, разве это не торжество исторической правды? «О, это другой, совсем другой разговор!»— опять заулыбался мой Гоголь. А я ему предлагаю вполне логи-

ческое развитие этой мысли дальше. Только вот, говорю, надо задуматься над одним очень жизненно важным явлением... У некоторых начинает происходить выпадение памяти, они начинают обеднять, искажать исторический контекст, когда судят о том или другом особенно драматическом факте нашей истории очень субъективно, нервозно, что у них метафизический подход, а тут нужен тончайший диалектический анализ...

— Да ты, Семен, самого Цицерона перед своим судней за пояс заткнул!— с откровенной иронией воскликнул Вадим и тут же поспешил поправиться: — Извини, дурацкая привычка язвить и к месту и не к месту.

— Вот именно, привычка дурацкая,— со злорадным удовольствием подтвердила Таня.

А Рыжий сокрушенно вздохнул, на минуту сник, сказал вяло, потерянно:

— Вот, вот, мой экзаменатор тоже изволил заметить в том духе, что я, видите ли, не излагаю свои убеждения, а произношу тщательно заученный чей-то монолог. Посоветовал с монологом моим идти в театральный вуз. В комиссии была молодая женщина, хрупкая с виду, такая застенчивая, глаза огромные, а в них тревога. Молчала, молчала и вдруг рассвирепела. «Вы зря,— говорит,— позволяете себе такой тон. Вы лучше прислушайтесь и присмотритесь, может, поймете, что есть у нас молодые люди и вот с таким складом мышления, их надо уметь понимать. А оскорблять за то, что мысли их идут не в вашем русле,— недостойное занятие». Вот так из-за меня сыр-бор загорелся.

Семен опять заметно воспрянул духом, даже заулыбался.

— Гоголь мой галантно поклонился своему милому оппоненту и опять пошел в атаку на меня, грешного. «А скажите, кто ваш отец?» А он у меня, говорю, учитель математики. «И вы, наверное, ни один раз беседовали с отцом на эти важные темы?» Как же, говорю, беседовал, не скрою, что мы с ним единомышленники. «Ну вот мы и уточнили автора того блестящего монолога, который вы здесь произнесли». Ну я тут совсем рассердился. А почему, говорю, вы думаете, что мысли эти не мои, если даже и родились они в беседах с моим отцом? Что вы мне отводите роль попугая? А если я живу этим, если это мои убеждения?!

— Ну, а он что?— спросила Таня.

— А он... он протер очки и, как говорят художники, сделал последний мазок своей могучей кистью. «Ненавижу,— говорит,— ортодоксов, особенно когда они готовенькими прямо из яйца вылупливаются. Эти уже неисправимы. Социально опасные типы. Ставлю,— говорит,— вам тройку, и этого более чем достаточно». В комиссии заспорили, а я сорвался с места и пошел куда глаза глядят... Вот так и влепили мне тройку. А конкурс огромный, наш брат и вправду почувствовал вкус к исторической науке. Теперь ясно... не пройду.

— Ты, Семен, подожди ныть,— рассудительно, с видом глубокой озабоченности сказал Вадим.— Постараюсь, чтобы мы встретились с одним профессором нашего университета. Я закончил второй курс на филфаке... А теперь объясняй, куда это тебя повело там, у киоска? Ты, старик, такое там брякнул, что ни в какие ворота не лезет...

— Началось это еще с четырнадцатой комнаты лицея.— Семен посмотрел на Таню, мол, помните, я вам говорил о психологическом опыте.— Зашел в лицей и все бубню себе мысленно: «Ортодокс. Понимаешь, Александр Сергеевич, кто вошел к тебе в гости? Вошел ортодокс. А ты же как дьявол тут воевал против своих ортодоксов». И вдруг пришло в голову: а не разыграть ли этакого антиортодокса?..

— Занятно,— односложно бросил Вадим и опять внимательно вгляделся в лицо Семена, все еще желая удостовериться, не сочиняет ли парень.

— Ходят по лицею три девицы, один щупленький, остроносенький молодой человек, пара уже очень пожилых людей, он и она, благообразные такие, вполне интеллигентные. И вот начал я не то чтобы ниспровергать Пушкина, а выражать свое неудовольствие. Вот, говорю, и здесь, где он жил юнцом, наверное, не безгрешным, не пай-мальчиком, делают из него икону. Никакой иконы, разумеется, я там не видел. Есть документы, вполне достоверные, исторические документы, а мне вот угодно непременно икону видеть...

— Знакомо,— все так же односложно отозвался Вадим, по-прежнему раздражая Таню своей отчужденностью.

— Девицы пялят на меня восторженные глаза, горячо так перешептываются, явно одобряют. Молодой человек пробивает меня острым, проницательным взглядом, и ни черта не поймешь, согласен он со мной или не согласен. А пожилые нахмурились, она даже ворчать стала, ну в том самом смысле, что вот пошла молодежь, ничего святого, и так далее. А я гну свое. Происходит, так сказать, дальнейшая эскалация моего «нигилизма». Ну, был Пушкин, говорю, конечно, по своему времени великая личность. Белинский доказал, что это действительно так. Но зачем в наше время с пафосом первооткрывателей говорить об этом же! Явное иждивенчество! Извольте делать свои открытия, находите Пушкиных в наше время! Для этого надо иметь ум, волю, смелость!

— Силен!— уже с ноткой явного добродушия сказал Вадим, вспоминая, что нечто подобное не без упоения говорил он сам.

— Я ждал, что старичок наконец очнется, заговорит, и все почувствуют, что дух Пушкина жив и нынче. А он вдруг пошел чесать тоном лектора, как будто перед ним огромная аудитория, явно не только для своей старушенции: «Все это, Агния Ивановна, объяснимо. Реакция на некоторые известные вам явления. Меня это нисколько не пугает, наоборот, радует. Молодец! Удивительно смелый, лобастый малый. Не желает жить чужим умом». А я слушаю и мысленно хватаюсь за голову: как это, оказывается, легко смелым, лобастым малым предстать перед изумленным светом! Потрясающе легко! До безобразия легко! Да если я захочу, любого нигилиста завтра же за пояс заткну! Только вот зачем, ради чего? Одним словом, выбежал я на улицу, подошел вот сюда, гляжу на памятник и никак в себя прийти не могу. И почему, думаю, я не сказал этому старичку — такое, чтоб он...

— Ну а все-таки, что бы ты ему должен был сказать?— очень требовательно спросил Вадим.

Семен усмехнулся, как бы говоря, вот и еще один экзаменатор нашелся, посмотрел на часы, приложил к уху.

— Вот даже часы от злости остановились.— Встряхнул часы, опять вслушался.— Потом нашлись слова. Так сказать, остроумие уходящего по лестнице. Сидел вот здесь, воображал старика и выдавал ему: «Да как не поймете, что я нарочно плету эту чушь! Да если вытравите из моей души Пушкина, Лермонтова, Чехова, тогда все — я не человек, я головастик!»

— Ну, а там, у киоска, с Петровичем, тоже, значит, опыт?

— Опыт,— с угрюмой усмешкой подтвердил Семен.— Дай, думаю, проведу еще одно исследование, уже в другой среде.— Тяжело облокотился о колени, закрыл лицо руками, долго молчал.— Что же, получил ответ, какой надо. Там мне правильно морду умыли. Отец-то мой тоже с черной перчаткой... Под Одессой руку потерял.

Таня уже по-другому поглядывала на Вадима. Она не могла еще понять, что произошло у киоска, но догадывалась: парни эти осмысливают какой-то далеко не простой жизненный урок, потому и не хотела прерывать их долгое молчание.

— Вот что я тебе скажу, Семен,— начал осторожно и почему-то очень тихо Вадим.— Петрович наговорил нам сегодня горьких вещей, вытерпеть такое не просто... Я поначалу едва стерпел, но, к счастью, все-таки выдержки хватило. Да, мы требуем, чтобы они поосторожнее такие вот вещи говорили нам. А не пора ли и нашему брату задуматься, что мы, причем прежде всего мы, здоровые, ни черта в жизни еще не хлебнувшие, тоже должны к ним относиться бережно, искать взаимопонимания, с достоинством, без петушиных наскоков. Пойдем-ка, я все-таки постараюсь познакомить тебя с профессором... Думаю, у нас есть о чем с ним поговорить.

Вадим встал, рассеянно посмотрел на присмиревшую Таню.

— Извините, мы в Ленинград. Если по пути, будем рады.

— Да, поеду. Мне хочется еще хоть немножко побыть с вами,— смущенно призналась Таня, благодарно улыбаясь Вадиму.

Семен медленно поднялся. Теперь, когда он выговорился, вдруг почувствовал себя усталым. Попытался хотя бы внешне взбодриться, чтоб не вызывать жалости к себе, сказал наигранным тоном отчаянного оптимиста:

— Живы будем, не помрем!

До автобуса шли молча. Вадим долго не мог выйти из угрюмой задумчивости. Никак не проходило ощущение какой-то собственной вины. А потом из множества путаных мыслей прояснилась одна: хорошо, что все до конца довел с этим рыжим чудаком. Впрочем, какой он чудак, в сущности, очень серьезный малый и по самому главному существу ему, Вадиму, единомышленник.

А когда уже сидели в автобусе, Вадим смотрел в окно и опять повторял свою запевную строчку: «Есть такой остров Сарема». Он был уверен, что следующие строки придут, обязательно придут, быть может, даже сегодня...

ТАЛАНТ ДРАМАТУРГА

Накануне своего 60-летнего юбилея Исидор Шток выпустил книгу «Рассказы о драматургах». Если вы почему-либо еще не успели ее прочитать, от души советую вам: сделайте это не откладывая. Вы не просто перелистаете новеллы, полные раздумья и юмора, подкупающей душевности и в то же время живости. Вам покажется, что вы встретили и хорошо узнали искреннего, умного, наблюдательного человека, который доверительно рассказал вам о времени и о своих друзьях очень много важного, интересного... Говоря от первого лица, автор ухитряется меньше всего и скромнее всего писать о себе самом. А вместе с тем книга И. Штока, несомненно, являет собою своеобразный творческий самоотчет драматурга. Он юношей пришел в советскую литературу и искусство и проделал в них большой путь. Но ведь и сейчас этот путь отнюдь не завершается!

С тонкой усмешкой И. Шток вспоминает, как раньше о нем в рецензиях писали: мол, «автор пытается...».

Ну, а раз пытался автор, значит, делал он свое дело! И, как видно, делал его неплохо, поскольку итоги к шестидесятилетию и впрямь добрые: ни много ни мало — сорок пьес написано И. Штоком... Нечего и пытаться их здесь перечислить. Напомню хотя бы только пьесу, обошедшую все театры страны без исключения,— «Ленинградский проспект» — пьесу о рабочем классе, о чудесном человеке Забродине, главе большой рабочей семьи. Забродина отлично играли крупнейшие актеры страны, начиная с Мордвинова...

Так пусть же талантливый автор и дальше радует зрителей своим творчеством, добрыми пьесами о нашем времени!

Н. ТОЛЧЕНОВА

ЛЮДИ
БОЛЬШОЙ
НАУКИ

СЕРЕБРЯНЫЕ КРЫЛЬЯ

Ким БАКШИ

«...машина, становясь совершеннее, делает свое дело все скромнее и незаметнее. Кажется, будто все труды человека — создателя машин, все его расчеты, все бессонные ночи над чертежами только и проявляются во внешней простоте...»

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Это Сент-Экзюпери, «Планета людей». Помните? Дыхание пустыни, грозовые обвалы над Кордильерами, лужайки лунного света. Ночные полеты без приборов. И какая-то обнаженность машины. Мы все время чувствуем ее нутро. Как она устроена — эти гудящие крылья, чихающий от перегрева мотор. Лонжероны, распорки, тросы управления — все вплоть до такого важного в авиационном деле крепежного винтика.

А современные «ТУ», «ИЛы», «АНы»? Мы летаем, не задумываясь над тем, что в них там вертится и гудит, как они устроены и произошли на свет. И это естественно, такова вообще судьба техники, повседневно служащей человеку. Когда-нибудь то же случится с ракетами.

■

Если задуматься, в этом процессе — чем совершеннее, тем незаметнее — есть некая несправедливость. Чем незаметней, тем, значит, меньше интереса, восхищения. А труд все напряженнее, технические проблемы все сложней. Каждый новый самолет — все бóльшая концентрация ума и таланта все бóльшего числа людей.

Да и о тех, чьими именами окрещены самолеты, мы знаем порой только то, что они генеральные конструкторы да еще плюс несколько распространенных марок самолетов.

Например, Олег Константинович Антонов.

«АН-2» — пассажирский и сельскохозяйственный. Стоместный «АН-10». «АН-14»— малютка. «АН-22» — самолет-гигант.

По рассказам я представляю себе, как было положено начало конструкторскому бюро.

Я расспрашивал об этом свидетелей и участников. Оказывается, их много продолжает идти вместе с Антоновым с тех первых послевоенных лет, когда создавался первый самолет — «АН-2».

■

Николай Степанович Трунченков — начальник КБ «комфорта». Встретился с Антоновым в 1946 году, но знал о нем, конечно, и раньше — целые поколения планеристов учились летать на машинах Антонова. И Антонов о Трунченкове слышал, помнил его как мирового рекордсмена по авиамоделизму. Когда встретились, пригласил к себе, в Новосибирск.

— Наш первый самолет очень долго вынашивался. Всю войну его Антонов обдумывал и прибрасывал.

«Прибрасывал» — любимое словечко Трунченкова. Это не то же, что «набрасывал». Можно пояснить его смысл так: занимается человек совсем другим делом, вдруг отложил в сторону работу и где-нибудь на листочке нарисовал очередной вариант никак не «вытанцовывающегося» проекта. Прибросил, а что получится?

— И во всех вариантах он двукрылый, биплан. Чтобы разбег был малый, чтобы безаэродромная была машина. Днем Антонов занимался истребителями Яковлева, а по вечерам, дома — в голове сельскохозяйственный самолет.

■

Главный конструктор Алексей Яковлевич Белолипецкий, первый помощник Антонова, достал из несгораемого шкафа весьма подержанную в руках фотографию.

— Видите? Наше КБ в 1947 году.

Я увидел комнату размером со школьный класс, сходство увеличивали плафоны — этакие скучные треугольные груши, свешивающиеся на металлических палках с потолка. Два ряда столов, за ними люди. Глаза Белолипецкого полны нежности, он сейчас там, в этом классе, двадцать лет назад.

Помолодевшим, легким движением он поправляет очки.

— Видите? Стоит Олег Константинович. А вот — Трунченков. А за ним, почти уж не разобрать,— я.

— А где был кабинет Антонова?

Белолипецкий смеется:

— Нет кабинета, был обыкновенный стол, стоял здесь же, в конструкторском бюро.

■

Елизавета Аветовна Шахатуни — начальник КБ прочности, важнейшего звена Конструкторского бюро Антонова. Работала до войны на Планерном заводе, потом рассчитывала прочность истребителей у Лавочкина. Одна из первых отозвалась на приглашение Антонова.

— Когда увидели эскизы нашего детища, многие стали говорить: «Что вы делаете? Это же самолет братьев Райт. Строить двукрылый самолет — биплан — после войны?!»

Так они говорили. И что же в результате? Второго такого самолета пока нет. Неслыханно: двадцать лет машина идет в серию. И реактивные и турбореактивные появились, а «АН-2» летает себе. Он очень неприхотлив. Самый последний летчик, самой низкой категории, поднимет груз и пассажиров с минимальной площадки. Хотя, между нами, самолет, конечно, устарел.

Но вернемся к истокам, в те легендарные времена, о которых сегодня можно узнать лишь в маленьком музее КБ Антонова или у очевидцев.

В первые послевоенные годы авиаконструкторские бюро возникали, как грибы после дождя. Девять десятых из них оказались нежизнеспособными. Антонову предстояло доказать, что он из той, последней, десятой. Для этого ему был дан оперативный простор — почти пустой цех. Вначале ни станков, ни людей. Вслед за Антоновым приехало несколько человек, среди них А. П. Эскин, теперь ведущий инженер по испытанию «АН-22»; Б. Н. Шереметьев, известный конструктор планеров; нынешний начальник главка Министерства авиационной промышленности А. В. Болбот.

Антонов забрал целиком выпуск Новосибирского авиационного техникума. Ребята плохо одетые, полуголодные. «Ай, что за работники? — ахала Елизавета Аветовна Шахатуни.— Сплошной детский сад».

Раннее военное возмужание — ребята старались изо всех сил. Да и старшее поколение — конструкторы работали, что называется, не жалея живота своего. В комнате — той самой, похожей на класс,— засиживались допоздна, делили скудный пайковый хлеб и никогда не делили работу, где чья: все бросались на помощь, если у кого-нибудь что-нибудь не ладилось.

И эти люди сделали «АН-2». И притом очень быстро — через год с небольшим выкатили самолет. Открыли ворота, взялись дружно и руками выкатили.

После первого полета все бросились к летчику-испытателю:

— Ну, как? Что? Как ведет себя машина?

— Все в порядке, только сиденье неудобное.

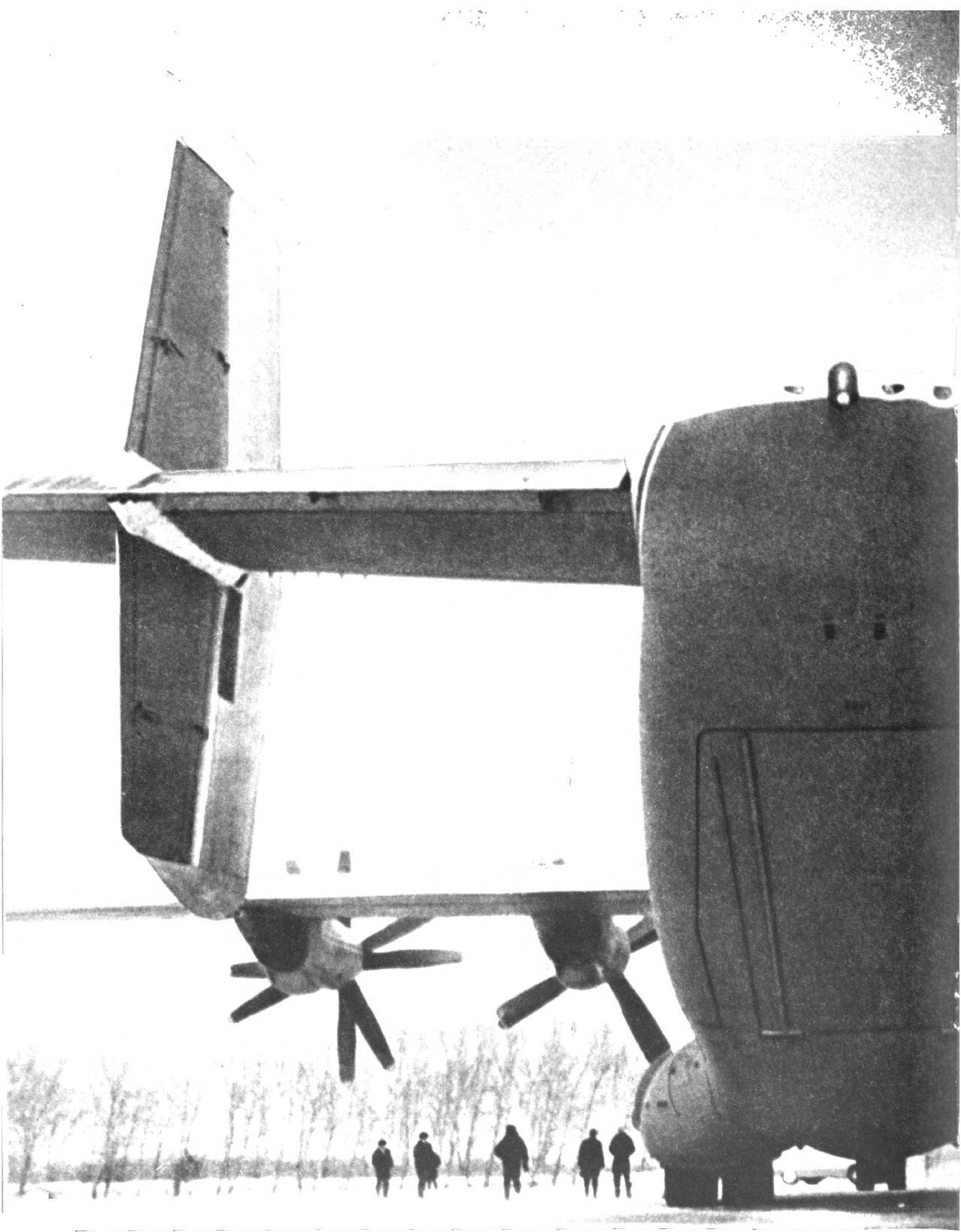
■

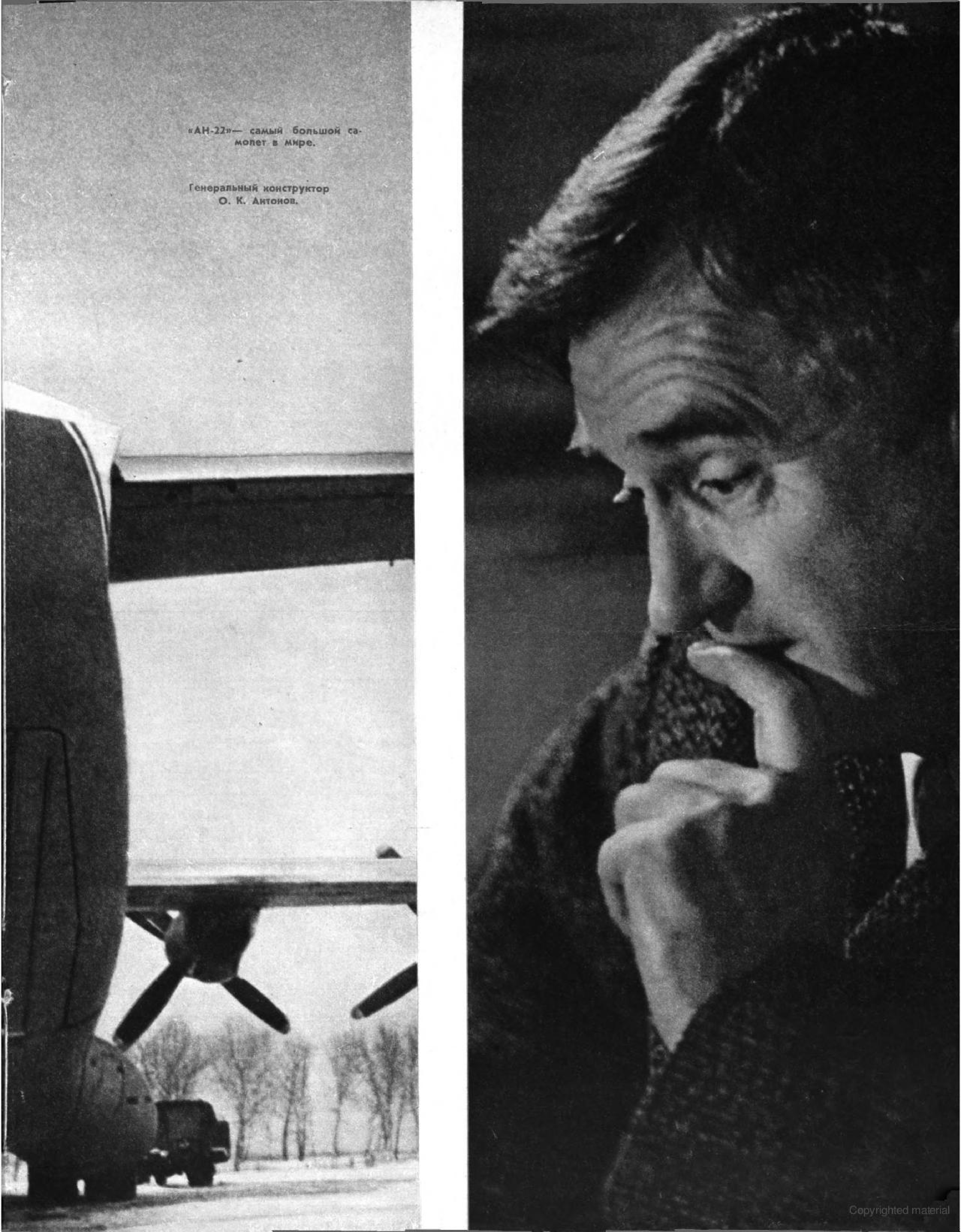
19 августа 1964 года выкатывали «АН-22».

Тяжелые и огромные, как шлюзы, ворота сборочного цеха были сдвинуты. И тягач КРАЗ, натужно воя, окутанный фиолетовым дымом,

«АН-22» в полете кажется маленьким и легким, но...

«АН-22»— самый большой самолет в мире.

Генеральный конструктор О. К. Антонов.

В аэродинамической трубе — новый представитель семейства «АН»ов.

Герой Советского Союза летчик-испытатель Юрий Курлин первым поднял в воздух «АН-22».

наконец сдвинул с места самый большой самолет в мире. Чтобы хвост прошел под верхним обрезом ворот, пришлось приподнимать передние стойки шасси. И вот гигант, сияя серебряными крыльями, с задранным в небо носом, осторожно показался в дверях и на мгновение замер, ослепленный солнцем, оглушенный многотысячными аплодисментами.

Опустели конструкторские бюро, бесчисленные службы — все обширное хозяйство с его коридорами, длинными, как проспекты, с его цехами, высокими, как Лужники, с переходами, в которых легко заблудиться, перекрестками, где даже висят автомобильные знаки, регулирующие движение, ограничивающие скорость.

Антонов разбил традиционную бутылку шампанского. О нос воздушного корабля? Куда там! До носа высоко — о шасси.

И гигант гордо двинулся в путь.

Антонов стоял и смотрел — невысокий, мальчиковатый, с сединой в волосах. Смотрел, как отец на первые шаги ребенка.

Ведь он помнил время, когда самолет существовал лишь на куске бумаги. Помнил, когда и наброска не существовало, а была только мысль. И вот теперь самолет отделился, зажил своей независимой жизнью.

■

Построить дом в три этажа — и в тридцать этажей. Это не просто затратить в десять раз больше материалов, это не простое арифметическое увеличение. Это скачок к новой строительной индустрии.

В еще большей степени это относится к гигантскому «АН-22». Его размеры, его шестидесятичетырехметровый размах крыльев, его небывалый задний люк, в который свободно заезжает автобус,— это принципиально новые требования к прочности, к герметичности, к технологии. Количество металла, полимеров, радиоэлектроники должно было перейти в качество — в новое качество конструирования и производства.

И снова, как это было с самым первым «АНом», вспыхнул весь коллектив. Виктор Гаврилович Анисенко и Николай Петрович Смирнов, солидные начальники КБ, с таким жаром хватались за новые разработки, будто снова стали Витькой и Колькой, шестнадцатилетними выпускниками Новосибирского техникума 47-го года, влюбленными в авиацию, в которую только что привел их Олег Константинович Антонов.

Говоря о создании самолета, мы забываем сказать о тех, кто целый день на ногах,— кто стоит у чертежной доски. А если нет обеих ног, как у конструктора Петра Семеновича Голембовского? Если целый день на костылях и еще добрый кусок вечера? К ночи Голембовского приходилось буквально силой отрывать от кульмана.

Каждому новому продвижению вперед препятствовали новые трудности. Обычно небольшие детали самолета, те, что по привычке хотелось взять в руки, оказывались весом в двести — триста килограммов. Вставали проблемы штамповки огромных плоскостей. Были использованы уральские, самые большие в мире 75-тысячетонные прессы.

«АН-22» подняли в воздух не один какой-нибудь завод, а промышленность Советского Союза в содружестве со многими институтами.

В мире нет двигателя такой мощности и с такой тягой винта, какую создали предприятия, где конструкторами работают Н. Д. Кузнецов и К. И. Жданов. Необычные колеса построены в ОКБ Зверева и обуты шинами диаметром 175 сантиметров.

■

Сейчас, когда вся эпопея создания «АН-22» позади, Антонов забывает нервотрепку и споры, сидение допоздна, частые телефонные звонки, поездки, встречи, совещания, заседания, которые у нас обычно сопровождают создание сложных систем, когда многие заводы и предприятия выполняют уникальные заказы. Когда слова «увязать», «увязка» не сходят с губ. Когда по длинной цепи объективных причин то одно, то другое предприятие срывает поставку оборудования, потому что, в свою очередь, третье задержало снабжение материалами, а тому, в свою очередь, не вовремя отпустили фонды и так далее.

И здесь надо знать, на кого нажать, как и с кем поговорить и каким голосом, что кому пообещать, на кого и кому пожаловаться. Сколько и каких материалов припасти. Кому доверить заказы и что именно. Где есть нужный металл, кто быстро может организовать новое производство. Я уж не говорю о том, что Генеральный конструктор должен обладать авиационным кругозором, талантом, интуицией, знанием новинок и достижений в большинстве областей техники, потому что авиастроение включает их в себя.

Чтобы все это знать и организовать, чтобы всем этим руководить, ничего не упуская, нужно быть экономистом, дипломатом, оратором, технологом, психологом, электроником, прочнистом, депутатом Верховного Совета, аэродинамиком, бывшим планеристом (риск и полет), Героем Социалистического Труда. Короче говоря, нужно быть Генеральным конструктором.

Его можно сравнить с дирижером огромного, сложного оркестра. С композитором и дирижером.

■

У Антонова — большой кабинет с аэроионизатором, который создает благодатный степной климат.

Наверное, можно перефразировать пословицу: покажи мне твой письменный стол, и я скажу, кто ты. Здесь дело, конечно, не в тех предметах, которые лежат на столе и собой обозначают специальность его владельца, скажем, на столе конструктора — чертежи самолета. Суть заключена более глубоко.

Кстати, на рабочем столе Антонова почти ничего нет. И с этим «почти» он борется. И вместе с тем его стол, удобно охватывающий вас своей формой коротколапой буквы «П»,— источник максимальных удобств и максимальной информации.

Справа — телефон-селектор. Нажатием кнопки можно соединиться с заместителями, ведущими конструкторами, начальниками КБ, вообще с наиболее нужными людьми. Здесь же магнитофон — диктовать. В специальной нише, покрытой прозрачной поверхностью, утоплен календарь — он не мешает на столе. В другой нише — картотека для незначительных дел. Антонов заметил, что как раз мелочи чаще всего забываются, а порой они необходимы.

Специальная прорезь на столе, как бывает у почтового ящика,— сюда Антонов сбрасывает просмотренные советские и иностранные журналы, обязательно с закладками,— «показать такому-то», «ознакомить такого-то». Кстати, эти стандартные закладки хранятся в специальном гнезде.

Можно еще долго рассказывать о логичных и простых приспособлениях, которые сделаны в рабочем столе Антонова. Коротко это называется НОТ — научная организация труда руководителя огромного конструкторского бюро.

У этого стола-комбайна две особенности: во-первых, он очень индивидуален — отражает вкусы, привычки, стиль работы Антонова; а во-вторых, это, так сказать, макет «один к одному».

Так же как конструкторы сначала строят из дерева и фанеры макет самолета в натуральную величину и на нем еще раз просматривают размещение всех агрегатов, так и Антонов пока только отрабатывает наиболее рациональный вариант стола.

В этом, как и во всем, он прежде всего авиаконструктор. Я мог бы сказать, что Антонов занимается своим столом так, между прочим... Но это значило бы погрешить против истины. Он вполне серьезно обдумывает его модернизацию, тщательно, я бы сказал, ревниво следит за исправностью отдельных его «агрегатов».

Не чудачество ли это? Но почему-то окружающие авиаспециалисты относятся к этой особенности своего шефа без улыбки, находят ее абсолютно естественной.

■

Я вспоминаю И. П. Мазурука, Героя Советского Союза, «штучного» полярного летчика. О его смелости рассказывают легенды на Севере. В Москве же среди родных и друзей, далеких от его специальности, он известен как большой педант. В его автомобиле, например, тысяча и одно приспособление, которыми Мазурук может без конца заниматься. Он ворчит на всех, кто на его глазах недостаточно внимателен к технике. «Пустой парень,— сказал он мне однажды об одном знакомом,— посмотри только, в каком состоянии у него автомобиль». Всю жизнь вплоть до самых последних лет перед пенсией генерал Мазурук летал как рядовой летчик — на ледовую разведку, проводку судов. И предельная, скрупулезная внимательность к мелочам техники, которая по отношению к пылесосу может показаться педантизмом, в условиях Заполярья не один десяток лет была вопросом жизни. Малейшее техническое упущение в самолете могло обернуться смертью. И особое внимание к технике должно было войти в кровь или это могло стоить большой крови.

Вернемся к Антонову. Стремление к постоянному усовершенствованию, к логичности, к надежности работы всех систем, к оптимальности, как говорят в науке,— натура, существо авиаконструктора. Что же удивляться, когда существо это проявляется во всем, даже в конструировании письменного стола?

■

Недавно я летел из Ташкента в Самарканд на «АН-24», предназначенном для сравнительно недлинных расстояний — внутри республики, межобластные рейсы. Занял свое место. Осмотрелся — тюбетейки, халаты, теплые платки, каракулевые шапки. Узбекская речь, русская речь. Английская речь — наверное, туристы летят в столицу Тамерлана.

Только на коротких местных рейсах — час-полтора — чувствуешь, как обыденна в наше время авиация, как действительно незаметно и привычно самолет служит человеку.

Загорелись, проступили сквозь серебристую обивку передней стенки (оригинально придумано!) слова: «Не курить, пристегнуть ремни».

Я обратил внимание, что слева от двери, ведущей к летчикам, на стенке прикреплен большой лучистый знак, словно сошедший со старых морских карт. Этот романтический знак звал в дорогу, служил приглашением к путешествию, как бы снимал ощущение обыденности полета.

Теперь я вижу эту звезду в КБ «комфорта», где разрабатывают интерьеры пассажирских и пилотских кабин.

Длинная двусветная комната напоминает школьный зал. У окон — по три ряда на каждой стороне — стоят кульманы. Да, только в одном этом КБ сейчас больше народа, чем во всем антоновском конструкторском бюро времен создания «АН-2».

Когда-то после первого полета на «АН-2» испытатель пожаловался, что, мол, сиденье неудобное. Сегодня и места пилотов и пассажирские кресла разрабатывают, учитывая требования психологии, физиологии, промышленной эстетики.

■

У Трунченкова удлиненное, худое лицо, с чуть впавшими щеками, какое бывает у бегунов на длинные дистанции. Легкие, летучие светлые волосы. Ему не дашь пятидесяти. Между тем он уж дважды дедушка. И, как всякий дедушка, очень любит внучек. Говорит, такова наша судьба: на детей все времени не хватало, теперь приходится наверстывать. Он лауреат Государственной премии, был ведущим конструктором по «АН-10». Начальником КБ «комфорта» Антонов назначил его потому, что дело это новое, требует опытных рук, молодого, свежего глаза.

«А главным образом потому,— объяснял мне Антонов,— что Николай

Степанович — бывший авиамоделист. Значит, у него есть вкус к точной и красивой работе».

■

Я спрашиваю Трунченкова о лучистом знаке на передней стенке «АН-24».

Трунченков улыбается.

— Это как раз и есть промышленная эстетика в действии. Первые выпуски «АН-24» были без этого знака. Потом, когда мы организовали группу художников, Сергей Рыжиков заметил, что нехорошо, когда передняя стена голая, взгляду пассажира не на что опереться.

Вот оно как! Дело, оказывается, не в чистом украшательстве. Нужно, чтобы в полете внимание пассажира постоянно было чем-то привлечено. Точно так не случайно занавески в салонах не бывают с горизонтальными полосами: они подчеркивали бы крен самолета при взлете и посадке.

С лучистым знаком связана любопытная история. Когда его предложили, завод, выпускавший серийные машины, запротестовал: «Деталь трудоемкая и лишняя». КБ Антонова настаивало. Директор завода пожаловался в министерство: «ненужное усложнение технологии»,— одновременно против звезды он настроил заказчика — Аэрофлот.

Обычно Антонов не спорит из-за ерунды. Не велика принципиальность цепляться за мелочи. Жизнь предлагает немало возможностей быть непримиримым в главных вопросах. Но лучистый знак на передней стенке самолета Антонов счел не пустяком. Здесь затрагивались проблемы промышленной эстетики, в то время только начинавшей пробивать пути в производство, с трудом отстаивавшей свое право на существование. Уступить в этом случае значило провалить новое и полезное дело.

Совещание в министерстве. Идут текущие дела. Среди них:

— Вот КБ Антонова предлагает в серийный образец дополнительно следующую деталь (показывают).

— Мнение завода?

— Не нужна, не имеет отношения к самолетам.

— Мнение заказчика?

Просит внеочередного слова Антонов.

— Предложенная деталь — роза ветров. Она имеет прямое отношение к путешествиям. А к ним, по-моему, и наш воздушный флот имеет отношение, не так ли?

Заказчик не возражает.

■

У меня давно этот вопрос вертелся на кончике языка. Все «АНы» похожи друг на друга — пузатые, низко лежащие на земле. Внешне они проигрывают по сравнению, скажем, со стремительными «ТУ». А поскольку всегда незаметно для себя становишься сторонником тех, о ком пишешь, я ревниво поглядывал на самолеты «чужих» фирм.

Форма самолета — это ведь тоже проблема промышленной эстетики. Что по этому поводу думает Трунченков?

Ответ на мой вопрос оказался неожиданным. Ни слова об эстетике. Все больше о железной необходимости.

Так уж сложилось, так началось еще с «АН-2», что самолеты конструкторского бюро Антонова были предназначены не для гладких, как паркет, бетонированных дорожек, а для грунтовых аэродромов, временных взлетных площадок. Семейство «АНов» — это трудовой транспортный народ, это пионеры новых дорог. Они первыми летят по новым трассам, перевозят первых пассажиров — строителей и первые грузы. Проходит время, и на хорошо освоенные аэродромы, на бетонированные полосы садятся самолеты других конструкций. «АНы» же полетели дальше, благо не обжитых авиацией пространств в нашей стране пока хватает.

Теперь о железной необходимости. Для грунтовых аэродромов и вообще для авиационного бездорожья — а для этого и созданы «АНы» — нужно, чтобы тело самолета было ниже к земле, опиралось на толстые, прочные колеса. А крылья с двигателями на них, наоборот, полезно держать повыше — мало ли что может случиться в непредвиденных обстоятельствах? Да, кроме того, нужно, чтобы моторы были подальше от пыли, грязи. Это увеличивает срок их работы и, самое главное, надежность самолета. Низко расположенная кабина для погрузки тяжестей также удобнее.

Особенно это ясно становится, когда наблюдаешь, как в чрево «АН-22» въезжают грузовики. Ведь недаром он похож на своих меньших братьев — также предназначен быть первопроходцем. Несмотря на свой вес и размеры, он легко садится на грунт, на снег. Его никак не назовешь неженкой.

■

Я был на совещании у Антонова, когда мозговому центру КБ был представлен пассажирский вариант «АН-22».

Все сели возле движущейся вверх-вниз доски — кто облокотился о спинку кресла товарища, кто свободно откинулся, рассматривая схемы и красочные панно, которые раскладывал Сергей Рыжиков — художник-конструктор.

Перед нами был самолет с двухэтажным салоном. На 605 человек. Да, я не ослышался: 383 — на верхней палубе, 222 — на нижней. Плюс комната матери и ребенка, детская для игр. Несколько отдельных купе. Буфет-кухня.

Одно панно привлекло всех. На нем была изображена роскошная жизнь. За высокой стойкой в клубах дыма сидит длинноногая девица в сопровождении широкоплечего джентльмена. Перед ними склонился бармен во всем белом. Картина означала, что на борту «АН-22» задуман бар.

Антонов спросил насчет горячительных напитков. Его обнадежили: будут. Все засмеялись, потому что знали: Антонов пьет только соки.

«А что,— подумал я,— ведь бар — это неплохо. Пора перейти от обязательной чашечки воды, которую вам разносят в самолетах, к самообслуживанию, благо место есть. Правда, тут я забеспокоился: не захочет ли Аэрофлот в святом желании побольше получить денег пустить бар под сидячие места?»

Пока я размышлял таким образом, окружающие заспорили.

— Подумали или нет авторы интерьера, как такая масса пассажиров будет входить и выходить из самолета? Не создадутся ли пробки, заторы?

— Как быть с гардеробами, с багажом?

Слушать этот разговор было очень интересно. Создавалось впечатление, что присутствуешь при рождении завтрашнего дня пассажирской авиации, когда самолет станет все больше и больше напоминать автобус.

Начнется с того, что на самых людных линиях — Москва — Ленинград, Москва — Киев, а в летние месяцы Москва — Черное море — через каждый час или полчаса по расписанию будут отправляться «АН-22».

Вы приезжаете хоть за пять минут до отправления, прямо в самолете покупаете билет, рядом со своим местом вешаете пальто, кладете сумку или чемодан.

■

Но для того, чтобы желанный завтрашний день скорее пришел, мало выпустить большую партию пассажирских «АН-22». Нужно многое перестроить в психологии людей, которые ведают пассажирскими перевозками по воздуху. И не только в психологии.

Морально, так сказать, в самом общем принципе, и сейчас они «за» аэробус, тем более что подобный опыт намечается и за рубежом, например, в сообщении Франция — Англия через Ла-Манш. Но одно дело быть готовым морально, совсем другое — быть заинтересованным материально. И это, к сожалению, не только с авиаавтобусами.

Создатель «АН-22» Антонов против гигантомании. Против довольно распространенного у нас пренебрежения ко всему маленькому. Оно привело к тому, что в загоне поршневые двигатели (даешь реактивные и турбореактивные!). А между тем США ежегодно производят около десяти тысяч легких самолетов и две трети из них с большой выгодой экспортируют.

У нас есть двигатели 16 тысяч лошадиных сил, но нет 16-сильных. А построить маленький, легкий, экономичный, сравнительно недорогой — цена порядка автомобильной — самолет для массового авиаспорта, для индивидуального пользования — мечта авиаконструктора. Такой самолет при поточном производстве быстро бы себя окупил.

Но тут возникают десятки вопросов: а где взять аэродромы, как организовать техобслуживание? Кто этим будет заниматься? И опять — в какой уж раз! — при обсуждении возникает одна и та же тема — экономика: что кому выгодно, а что невыгодно и почему.

Антонов глубоко интересуется экономикой, публикует статьи в центральных газетах, книгу «Для всех и для себя», Антонов предлагает средства, как устранить из нашей экономики все, что тормозит ее развитие, мешает внедрению новой техники. Он из тех ученых, которые и словом и делом участвуют в проведении экономической реформы в нашей стране.

■

Что думает о завтрашней авиации Антонов? Он считает, что ее формулой станет разнообразие. Множество различных типов самолетов — целый спектр свойств и предназначений. Воздушные такси — междугородные, межрайонные; сельскохозяйственные трудяги, способные сесть на любой меже; семейные машины; одноместные прогулочные авиэтки; большегрузы для геологов, строителей газо-, нефте-, электротрасс в труднодоступных районах. Всего не перечислишь.

Уже сегодня говорят о так называемой суборбитальной авиации, стремящейся к спутникам, к первой космической скорости. С нею исчезнет проблема межконтинентальной разобщенности. Сорок минут до Южной Америки или Австралии! Пассажиры в полете чувствуют себя легко. Еще бы: они потеряли большую часть веса. Правда, это длится недолго: ведь путь суборбитального самолета в основном — разгон и торможение. Возникнут непривычные для нас трудности: человек вполне может перелететь в завтрашний день или, наоборот, возвратиться во «вчера». Хорошо, если он просто турист. А вдруг командировочный? Ведь не верится, что наши бухгалтеры будут считаться с появлением суборбитальной авиации. До сих пор на них ничто не оказывало действия. Вот уж двадцать лет одни и те же суточные и гостиничные, «день приезда и отъезда — один день». А если человек вылетел восемнадцатого, прилетел семнадцатого, на следующий день снова восемнадцатое? С ума сойти можно!

■

Я начал с того, что процитировал Сент-Экзюпери. Сейчас модно любить Экзюпери, восхищаться им. Поэтому все мои признания в его адрес ни к чему. И все же я хочу сказать о его предвидении, хотя он и не был писателем-фантастом и не напоминал ничем футурологов — современных предсказателей, вооруженных научно-кибернетической мудростью.

Это он тридцать лет назад поразительно чутко заметил, что самолет не просто техническое средство. Что серебряные крылья, несущие нас в воздухе, не просто транспорт. Они многое меняют в жизни человека — взаимоотношения, обычаи, привычные взгляды. «Хоть и остались слова — разлука, отсутствие, даль, возвращение,— но их смысл стал иным». В наше время этот процесс усиливается. Лавина, именуемая научно-технической революцией, все глубже потрясает внутренний мир человека.

Мысль Экзюпери оказалась бы неполной, если бы я ее не закончил так, как она произносится в «Планете людей». Становясь совершеннее, машина делает свое дело все незаметнее. Настолько, что перестает стоять между нами и природой.

Благодаря этому (через это!) мы вновь обретаем все ту же великую природу, которую издавна знают садовники, мореходы и поэты.

К 80-летию со дня рождения Мариэтты ШАГИНЯН

УДИВИТЕЛЬНО РАЗНОСТОРОННЯЯ...

27 июля 1903 года в газете «Черноморское побережье» появился фельетон «Геленджикские мотивы». Его написала пятнадцатилетняя Мариэтта Шагинян.

Сейчас М. Шагинян восемьдесят лет. Шестьдесят пять лет творческого труда. Были ошибки, большие и малые, были муки слова, многое было; не было одного — отступления от раз и навсегда избранного святого литературного пути.

Во многих событиях нашей жизни активно участвовала сначала молодая, потом пожилая Мариэтта Шагинян. Участвовала активно, истово, до слез и боли.

Мариэтта Шагинян — увлекающийся человек. Окончив философский факультет высших женских курсов, Шагинян зачитывается Гёте, едет в его родной Веймар и пешком проходит по Германии.

В 1920 году она организует первую прядильно-ткацкую школу на дому и становится инструктором ткацкого дела. Через пять лет работает на ленинградской фабрике. Потом первой из женщин поднялась на вершину Алагеза. Весной 1927 года она выезжает из Москвы в Дзорагэс и четыре года принимает активное участие в строительстве гидростанции. За действенную помощь, оказанную строительству Дзорагэса, в 1932 году она была награждена ЦИК Армении орденом Трудового Красного Знамени.

Страсть к путешествиям у Шагинян в крови. В 1922 году корреспондентом «Правды» едет она в Советское Закавказье. Позднее от газеты «Известия» днюет и ночует в союзных республиках. После Великой Отечественной войны она без устали ездит «По дорогам пятилетки», «По дорогам Европы». К каждой поездке тщательно готовится: разносторонне и глубоко входит в тему, досконально изучает не только историю и географию места путешествия, но и тот язык, на котором говорят в промежуточных и конечных пунктах командировки.

Исключительно разностороннее литературное амплуа Мариэтты Шагинян. Начинала она как журналист. После революции 1905 года постоянно сотрудничала в газете «Приазовский край». В 1909 году выпускает сборник стихов «Первые встречи», а через четыре года — второй, состоящий из нежных и щемящих лирических миниатюр. Накануне первой империалистической войны она пробует себя в художественной прозе — выпускает сборник рассказов «Узкие врата» и пишет роман «Своя судьба». В 1922—1923 годах журнал «Красная новь» печатает новый роман Шагинян, «Перемена»,— быль о гражданской войне на юге страны, о котором сочувственно отозвался В. И. Ленин. Из-под пера писательницы выходит трилогия «Месс-Менд» — первая художественная книга о борьбе международного пролетариата с фашизмом. Экранизированная, книга Шагинян стала достоянием миллионов кинозрителей.

Журналистика, стихи, проза, быт у Мариэтты Шагинян все время были стянуты в один узел, все это было слито с радостным чувством нужности людям, с ощущением полноты и цельности жизни, жизни «взахлеб».

Однако и по своему характеру — темпераментному и непоседливому, и по своим устремлениям — активным и действенным, и по своим желаниям — постоянно вмешиваться в жизнь — Шагинян все время тянулась к очерку. После первой очерковой книги, «Советская Армения», вышедшей в 1923 году, писательница выпустила «Урал в обороне», десятки других книг. По многим очеркам Шагинян — боевым и страстным — принимались решения различными законодательными и исполнительными органами многих союзных и автономных республик.

Ее роман «Гидроцентраль» явился огромным достижением молодой советской литературы.

Поразительны успехи Мариэтты Шагинян в критике и литературоведении. Еще в 1913 году она выступила со страстной защитой эстетических взглядов Горького, который в газете «Русское слово» опубликовал протест против инсценировки Московским Художественным театром «Бесов» Достоевского.

В 1944 году М. Шагинян защитила диссертацию на степень доктора филологических наук по творчеству Т. Г. Шевченко. В 1950 году выходит плод ее долголетней исследовательской работы — монография о великом немецком поэте Гёте. Недавно она опубликовала новую книгу — «Воскрешение из мертвых» — о чешском композиторе XVIII века Иозефе Мысливечке.

Последние десятилетия М. Шагинян увлекается историко-революционной темой. Недавно вышла отдельным изданием историко-революционная книга писательницы «Первая Всероссийская». Это вторая книга автора трилогии о Ленине. Она, так же как и первая — «Семья Ульяновых», над которой Шагинян работала четверть века и рукопись которой в свое время читала Н. К. Крупская, уже прочно вошла в золотой фонд художественной Ленинианы.

Такова она, талантливейшая труженица, предельно чуткий человек.

За свою нестареющую любовь к людям она заслужила их глубокое признание и почитание.

М. ЛАПШИН

Осип КОЛЫЧЕВ

Желудь в маленькую ямку
Бросил юный пионер.
Вырос лист, его изнанку
Бороздит сетчатый нерв.

Устремляясь прямо в небо,
Подпирая небосвод,
Поколенья пионеров
Этот дуб переживет.

В двадцать первое столетье
Он войдет, листвой шумя,
И его в походе встретит
Пионерская семья

И увидит, как над рощей,
Несгибаем и могуч,
Он стоит — регулировщик
Грозовых весенних туч.

Он, вмещавшийся в ладони
Мальчика сто лет назад,
Вековой обнимет кроной
Целый пионеротряд.

Ивы и люди

От ветра и солнца счастливый,
Идя вдоль извилистых рек,
«Какие
красивые
ивы!» —
С восторгом шептал человек.
И, посеребренная ветром,
Мятущейся ивы листва
Нашептанные человеком
Блаженно впивала слова.
Он шел сквозь ромашку и лютик,
А ива глядела вослед.
«Какие
красивые
люди!» —
Шептала...
Шептала в ответ.

По старым адресам

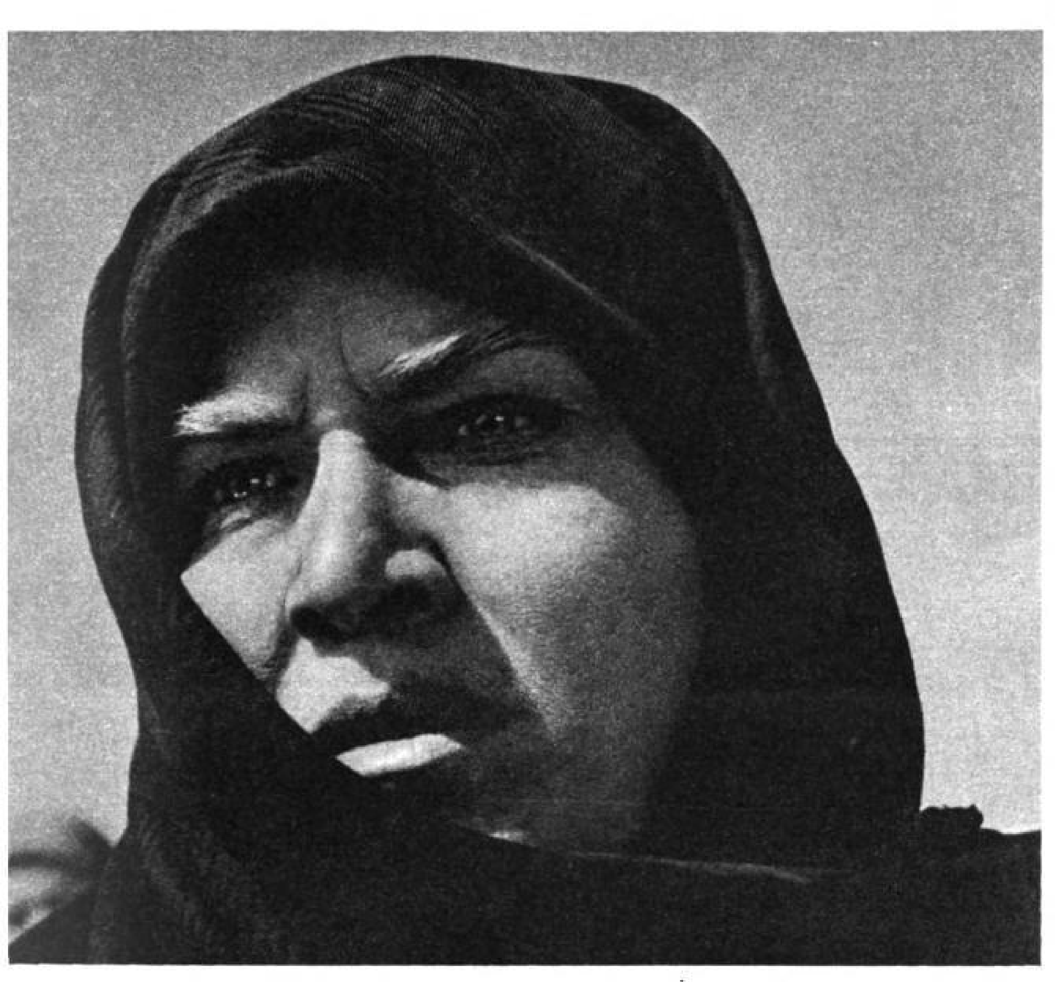
Хлопочут в Подмосковии грачи,
И возвращается отряд скворчиный
На башенку пожарной каланчи,
На милые зеленые вершины.
В места родные!
В Крюково и Клин!
К скворечням струганым,
к знакомым кровлям!
Вдруг раздвоился журавлиный клин.
Шум замешательства
прошел над Подмосковьем.
И выше, чем стальные провода,
Кричит вожак на гордом карауле:
— Эй вы, коломенские,
вам сюда!
А истринские
к Истре повернули...

Даль штурмуя...

Пилот стремительно и броско
Направил к солнцу
свой полет.
Прямая белая полоска
Пересекала небосвод.
И благодарностью к нему
Забилось сердце.
Даль штурмуя,
Провел
кратчайшую прямую
Он прямо к сердцу моему.

Ал. ДЫМШИЦ

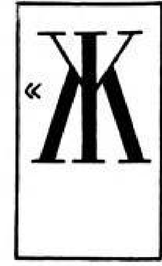
СЕРЬЕЗНОЕ, КАК

«Бабье царство».

«Твой современник».

изнь прожить — не поле перейти»,— говорит народ.

Жить ответственно. Жизнь сложна. И познать жизнь — в том числе с помощью искусства — можно лишь не сглаживая ее трудностей, ясно видя и ее «рельеф»,— ее поля, холмы, ложбины, горы, и ее масштаб, и ее глубины...

Мы хотим, чтобы искусство было серьезным, как сама жизнь. Серьезным — не значит «сурьезным», как иронически говаривал В. И. Ленин. Серьезная жизнь — это жизнь со всеми ее красками, со всеми ее противоречиями, со всей ее диалектикой: радостями и печалями, горестями и весельями... Иначе говоря, мы хотим, чтобы искусство было правдивым, верным действительности, чуждым схемы и ложной, надуманной тенденциозности.

Еще и еще раз пришли мне на ум эти мысли, когда я посмотрел на экране несколько новых кинокартин. Мне захотелось «проверить» их теми критериями жизненной достоверности и жизненной правды, о которых только что шла речь.

Итак, три новые картины: «Твой современник», «Бабье царство», «Июльский дождь». Картины, о которых спорят и будут спорить.

Фильм режиссера Ю. Райзмана «Твой современник» сразу же привлек к себе большое внимание зрителей и критики. О нем уже много написано. Его живо обсуждают и в печати, и в киноклубах, и сразу после сеанса в кинематографе, так сказать, при выходе из кинозала.

Оно и неудивительно! Как сценаристы — Евг. Габрилович и Ю. Райзман,— так и режиссер Ю. Райзман смело и уверенно вошли в круг проблем большого общественного содержания. Их лента многопроблемна. Главные же две проблемы отчетливо видны всякому. Обе они жизненны, выхвачены из самой действительности, и в основе каждой — острая, драматичная коллизия.

Одна из этих проблем связана с наукой и производством, с проблемой новаторства. Другая — с принципиально разным подходом к воспитанию молодого поколения, разным отношением к молодому поколению... Обе эти проблемы встают на пути сильного, волевого, умного и честного человека, коммуниста и сына коммуниста Губанова.

Кто не видел, кто не помнит отличный фильм Ю. Райзмана «Коммунист», в котором покойный Е. Урбанский блистательно исполнял роль революционера Губанова! Давая имя Губанова герою нового фильма, Евг. Габрилович и Ю. Райзман представляют его зрителю как сына героя фильма «Коммунист», подчеркивая мысль о преемственности революционных поколений.

Сын коммуниста и сам коммунист, Губанов приезжает в Москву с профессором Ниточкиным, чтобы решительно и смело поставить вопрос о консервации большого строительства, начатого на основании расчетов, быстро отставших от нового уровня научного развития... Проблема серьезнейшая. Проблема большого государственного значения и большой государственной ответственности. Вокруг такой проблемы не могут не разыграться страсти. И они разыгрываются резко и бурно. Губанов и Ниточкин идут по нелегкому, но единственно честному пути: они отстаивают новый проект, настаивают на внедрении нового метода работы, на консервации старого (точнее, устаревшего!) строительства и на открытии нового производства.

Отличные, жизненно верные сцены сопровождают Губанова и Ниточкина на их нелегком пути. Министры, эксперты, секретарь областного комитета партии, премудрый академик (превосходно исполняемый старым актером Ю. Свириным), референты и помощники министров, наконец заместитель председателя Совета Министров показаны в фильме как люди, в большинстве своем горячо и заинтересованно обсуждающие создавшуюся коллизию. Даже на высшем уровне не сразу приходят к решению вопроса. И это естественно: такие вопросы не могут решаться с той волюнтаристской «отвагой», которая невозможна в серьезном плановом хозяйстве.

Радует прямота, с какою авторы сценария и режиссер показывают эту коллизию. Они не боятся «суда» глупцов! Их не смущает, что какой-нибудь мещанин подхихикнет: «Вот видите,— не решают...» Их не смущает и то, что какой-нибудь тупой перестраховщик хмуро буркнет: «Перебор самокритики!..» Они знают, что государственные вопросы решаются коллективно, коллегиально, обдуманно. И они очень верно показывают, что многие из участников дискуссии в Совете Министров рассуждают сообразно их чувству ответственности перед народом и государством.

Правдиво и тонко разработана в фильме и тема взаимоотношения поколений. Губанов старается понять жизненные искания и решения Миши, своего сына, ищет пути к сердцам молодых, легко преодолевая внезапно вспыхнувшие, предвзятые чувства. Он и сам молод сердцем, как молод сердцем Ниточкин. И оба они еще в строю молодых!

Иное дело — первая жена Губанова, мать Миши. Эгоизм и ханжество создают непреодолимый барьер между нею и сыном. Она — человек, безнадежно отставший от времени... Как видим, снова коллизия, решаемая не без трудностей для Губанова-старшего, но и взятая верно и показанная психологически правдиво. И можно лишь пожалеть, что образ Миши, Губанова-младшего, в сценарии написан бледно. Отсюда невозможность для актера (А. Борзунов) создать фигуру яркую и интересную, образ юноши, достойного отца и деда.

«Твой современник» — фильм правдивый, реалистический, открыто тенденциозный. В нем тенденция не придумана, а почерпнута из самой жизни. И эта тенденция посвящена утверждению нашей правды, нашей убежденности, нашей откровенности. Тех черт характера передового современника, героя нашего времени, которые талантливо и уверенно воплощены в образе Губанова И. Владимировым. Порой Губанов кажется в фильме несколько «декларативным», исповедально говорящим. Но оправдание тому опять-таки дано обстоятельствами, в которых герой оказался. Эти обстоятельства в его жизни чрезвычайные. Они и рождают то особое состояние, при котором человеку так важно «выговориться»...

В «Твоем современнике» прекрасные съемки (оператор Н. Ардашников). В нем несколько первоклассных актерских работ. Среди них прежде всего тончайшая психологически работа Н. Плотникова, исполняющего роль Ниточкина. Особо следует отметить и психологически тонкую

ЖИЗНЬ...

лепку характера первой жены Губанова, Елизаветы Кондратьевны, артисткой А. Максимовой, и чудесный «этюд» Н. Гуляевой, создавшей образ милой, доброй, простенькой и сердечной девушки Зойки.

Картина «Твой современник» поставлена по превосходному сценарию, по произведению действительно литературному. И сценарий этот — его драматургическая концепция, его сюжетные перипетии и его образы — глубокими корнями уходит в жизнь.

Немало правдивого, верного и в картине «Бабье царство». Для людей, которым памятна война, до боли тяжки в ней некоторые драматичные эпизоды. Поставил ее режиссер А. Салтыков, которого зритель помнит прежде всего по талантливому фильму «Председатель».

Однако «Бабье царство» никак не признаешь шагом вперед по сравнению с предыдущей картиной А. Салтыкова. И причина тут, думается, опять-таки в сценарии. Ю. Нагибин — талантливый прозаик, отличный мастер новеллистического жанра. Среди его сценариев «Председатель» решительно выделяется своим могучим реализмом. Сценарий же «Бабьего царства» не отличается высоким мастерством. Здесь действительно мастерские, художественные «куски» чередуются с ремесленническими, а сама жизнь, отлившаяся в сильные и яркие образы, оттесняется порою на второй план литературной схемой.

Уже самый переход от трагичнейших эпизодов военного времени к штампованным и шаблонным ситуациям второй части фильма воспринимается как нечто противоестественное, более того, обидное! Я не хотел бы, чтобы мои возражения поняли как протест сторонника так называемой «чистоты жанров». Но, думается, не всякое смешение жанров вообще является законным и удачным.

И в то же время какая чудесная актриса играет в этом фильме! Какой богатый народный, национально-русский характер создает она в образе главной героини Надежды Петровны!.. Римма Маркова — актриса большой силы, высокого нравственного пафоса. Порою ей удается стать «выше текста»: подняться над упрощенностью ситуаций, блеснуть такими «обжигающими» чертами характера, что трудно не залюбоваться ею. Но часто и ей не одолеть схематичности сценария, не «дописать» недописанную роль. В еще большей мере недостатки сценария стесняют возможности талантливой Светланы Жгун, исполнительницы роли Насти.

Как видим, сценарий неспроста именуют основой фильма. И если основа несовершенна, режиссер может одолеть ее, только переписав сценарий заново или «заставив» переписать автора...

Сценарные несовершенства отчетливо чувствуются в фильме режиссера М. Хуциева (авторы сценария А. Гребнев и М. Хуциев) «Июльский дождь». В этой активно обсуждаемой ленте авторский замысел ясен и, я сказал бы, благороден. Картина задумана как социально-критическая, направленная против «интеллигентного» мещанства, против психологии паразитарного существовательства, против индивидуалистического эгоизма.

Взята среда, в которой чистому человеку нечем дышать. Так и задыхается в этой среде Лена (артистка Е. Уралова)... Человек же без социального якоря, пустой, оседает в этой среде. Лена расстанется с этой средой, уйдет. Останутся ли другие? Это неведомо...

Трудно согласиться с критиком Н. Зоркой, которая в журнале «Искусство кино» (№ 2) пишет про «Июльский дождь», что, мол, это «фильм о нашем современнике в самом прямом смысле слова», что в нем показаны «молодые люди, ищущие свой путь, осмысливающие свою жизнь». Конечно, рассуждая формально, современниками можно назвать и Губанова с Ниточкиным из фильма Ю. Райзмана и молодых героев из «Июльского дождя»: они все живут в одно с нами время. Но отнюдь не они отражают лицо времени, облик современности!..

Кто в фильме «Июльский дождь» осмысливает свою жизнь? Этого не скажешь даже о Лене! И голос совести, мятущийся, нравственный голос звучит в этом фильме разве что в телефонной трубке — голос человека, в сущности, фигуры не имеющего.

«Июльский дождь» снят оператором Г. Лавровым подчеркнуто «натурально»: все в нем, как бывает в жизни, нарочито «бестенденциозно». Но и самая эта манера, при которой возникает перед нами немало превосходных снимков, не способна скрыть наличия определенной авторской и режиссерской тенденции, почерпнутой не столько из самой жизни, сколько из области субъективных эстетических намерений... Тенденция эта приводит к тому, что перед нами возникает «изолированно» наблюдаемый участочек жизни. Островок, оторванный от большой жизни, которую авторы как бы даже и не замечают...

Жизнь оказывается взятой односторонне. Главные ее силы остаются вне экрана. И к этому прибавляется неверная мысль — поколению героев фильма противопоставляется поколение героев войны. Оно же молчаливо (как безмолвный упрек) противопоставляется в финале совсем юной поросли, молодежи самой зеленой.

Неполнота жизненной картины, «нехватка» того, что Энгельс называл обстоятельствами в повествовательном жанре, существенно вредит картине «Июльский дождь», где желание критиковать и атаковать не реализуется, а уходит почти полностью в наблюдение, в рассматривание, разглядывание и подглядывание... И тут мне хочется согласиться с Н. Зоркой, которая — противореча себе самой! — справедливо замечает: «Некоторые части картины «Июльский дождь» напоминают материал — очень талантливый, очень обещающий, но еще не ставший тем завершенным, единственным выражением мысли, от которого без ущерба нельзя отнять ни одного кадра и прибавить тоже нельзя».

...Возвращаюсь к началу этих заметок. Нам нужно искусство серьезное, как жизнь. Искусство, в котором глубина познания опрокидывает надуманные литературные схемы, в котором каждый отрезок бытия осмыслен на активном фоне широко воспринятой картины действительности.

В этом отношении из трех упомянутых здесь фильмов студии «Мосфильм» лучшая лента — «Твой современник».

Но и «Твой современник» не эталон. Не единственный ориентир. Пути искусства богаты и разнообразны. Важны в искусстве отправные позиции. И в «Твоем современнике» они верны: там все развивается от жизни, жизненно и для жизни.

Для воздействия на жизнь.

Ростислав **БРАТУНЬ**

* * *

Мне хочется домой до боли,
Туда, где шепчутся хлеба...

Дмитро Фальковский

Покинуть город, выйти в поле,
Где, мнится, шепчут мне хлеба:
— Ты чей?
Скажи, по доброй воле
Сюда забросила судьба?

Бываешь редко в нашем крае.
Ты помнишь запахи земли
И вкус простого каравая,
Что сладок —
Только посоли?

И я вскричу, я им отвечу:
— Хлеба! Вы слышите меня?
Хлеба, я буду с вами вечно!
Я ваш, усатая родня!

И упаду в объятья нивы,
В белесый иней зеленей.
Как вы нежны, как вы красивы,
И нет на свете вас родней!

Когда мне тяжко в этом мире,
Когда не ладится судьба,
Со мною в городской квартире
Неслышно шепчутся хлеба.

* * *

Во мгле Вселенной
Гаснут звезды,
А свет погасших звезд
В пути.
Ему лететь
Мильоноверстно,
Ему еще
Идти-идти,
Нестись
Еще тысячелетья,
Чтоб где-то
На моей Земле
В моем
Рабочем кабинете
Запрыгал зайчик
На столе,
Скользнул неслышно
На бумагу,
Где набросал стихи
Поэт,
Скользнул —
И далее
Ни шагу.
Конец.
Расплылся,
Умер свет.
Не отклоняясь,
Неизменно
Он мчался
Только напрямик
Сквозь завихрения
Вселенной,
Под скальным градом
Каждый миг,
А долетев,
Сверкнул,
Танцуя,
Жар-птицей
На моем пере,
И не чернилами
Пишу я,—
Нет, я смочил его
В заре,
Я обмакнул его
В фотоны!
Нет-нет, не умер,
Вечен свет!
Он в строчках,
Только что рожденных,
Оставил свой
Горячий след.

ПИСЬМА

Ненаписанные письма,
Неотосланные мечты.
Не получишь их
Ныне и присно
И во веки веков
Не дождешься их ты.
Не придут никогда на почту
В адрес чувств и надежд
На суд.
Не придут они,
Оттого что
Доплатные
Туда не идут.
Можешь только вбросить
с доплатою
В щель забвения,
В ящик тризн
На конверте боль распятую,
А в конверте —
Всю жизнь.
Недопетое, недосказанное
Содержание давней тоски —
Перечеркнутые,
Измазанные,
Жизнью выброшенные
Листки!

* * *

Есть рук пожатье — столько
доброты
В пожатье этом скрыто
неприметно,
Что не ладонь протягиваешь ты,
А мнится, сердцем тянешься
ответно.

Есть рук пожатье — мнится,
песня в нем,
Которую запеть бы так хотелось...
Как будто дрогнул колокол, потом
Не раскачался и утратил смелость.

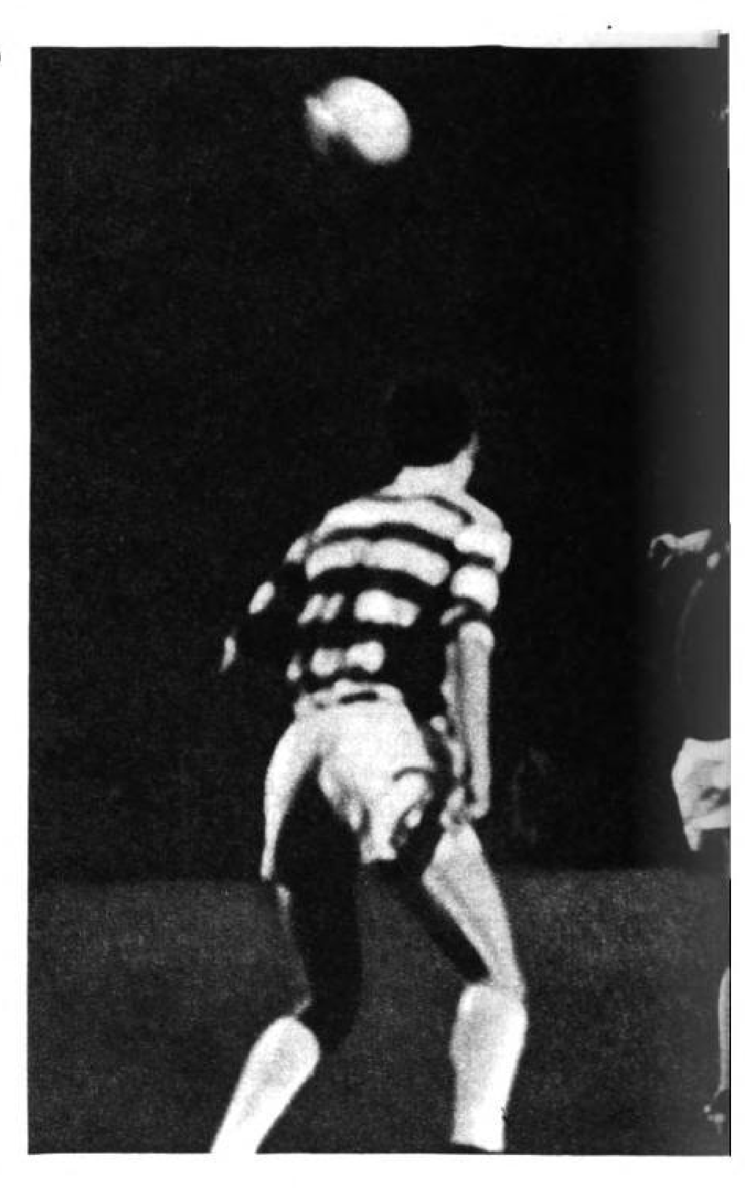
Есть рук пожатье — точно острый
нож
Из-за спины в пожатье перепрятан.
Оно таит расчетливую ложь,
Как кипятком, вот-вот обдаст
проклятьем.

Есть рук пожатье — склепа
холодней,
Тупое, как отписка бюрократа,
И мнится, ты попал рукою в клей,
В болото, в топь, откуда нет
возврата.

О жизнь моя, ты — как пожатье
рук!
Так дай ответ, как мне постичь
науку:
Тянуться сердцем, если рядом
друг,
От подлеца заране прятать руку!

Перевел с украинского
Дмитрий СЕДЫХ.

Сейчас, в начале года, обдумывая предстоящие события, мы, пожалуй, более всего волнуемся за нашу сборную. Ведь ее весной ждут трудные матчи с Венгрией в чемпионате Европы и матчи с олимпийской командой Чехословакии, а в случае удачи — участие в финалах этих турниров. Мы волновались и за «Торпедо», которое встречалось с «Кардифф-Сити» в розыгрыше Кубка кубков. И за динамовцев Киева и Москвы, которые осенью вступят в борьбу за популярные призы континента. Словом, поводов для размышлений у нас немало. Давайте же разберемся в иностранных делах нашего футбола.

Играют «Динамо» (Киев) и «Селтик».

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА ФУТБОЛА

Лев ФИЛАТОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

...Минувшим летом я был в Киеве на матче динамовцев с «Торпедо». В Москву ехал вместе с киевскими футболистами, в одном вагоне. Как раз в тот день стали известны результаты жеребьевки в розыгрыше Кубка европейских чемпионов. Киевлянам достался сам чемпион чемпионов — шотландский «Селтик». Что и говорить, легко было обидеться на немилостивую судьбу!

В вагон я садился, дав зарок не говорить об этом с футболистами. Но меня в первое же мгновение удивило веселое, беспечное настроение соседей. Они собрались кучкой в коридоре — Турянчик, Сабо, Щегольков, подталкивали друг друга локтями, улыбались, и то и дело слышалось: «Ах, не повезло!»

«Что это, пир во время чумы?» — подумал я. И вдруг громкое восклицание:

— Бедный «Селтик», надо же так нарваться!

Все снова рассмеялись. Признаться, мне этот смех показался неестественным, нервным, и, может быть, потому, наблюдая первый матч в Глазго по телевизору и сидя на трибуне киевского стадиона во время ответной встречи, я все время вспоминал это «Ах, не повезло!».

Обе встречи с «Селтиком» разобраны по косточкам. Не вдаваясь ни в глубины, ни в частности, отметим сейчас лишь то, что киевляне выглядели в этих матчах уверенными в себе, несмотря на всю изнуряющую трудность борьбы с необычайно сильным противником. И теперь я уже уверен, что их шутки в вагоне не были игрой расшалившихся нервов. Они на самом деле не боялись «Селтика», видимо, отдавая себе полный отчет в том, насколько они стали сильнее за время, минувшее после их неудачного матча с шотландцами в Кубке кубков осенью 1965 года.

Мне этот эпизод представляется многозначительным. Он имеет прямое отношение к тому, что мы понимаем под высшим, широким футбольным образованием. Оно, это образование, в наше время недостижимо без досконального знания всех главных противников.

Наверное, всем до сих пор памятно неожиданное разочарование, испытанное осенью в день поражения нашей сборной от команды Голландии. Было обидно тогда, что наши руководители отнеслись к этому матчу беспечно, рискнув выставить далеко не лучший состав. Но, вероятно, самым большим откровением для многих телезрителей было то, что голландская команда, не числящаяся среди фаворитов, предстала в облике сильного, умело и остро атакующего, хорошо организованного, техничного ансамбля.

Футбольные знания не могут быть приобретены раз и навсегда. На международном театре футбольных действий конъюнктура меняется непрерывно. Скажем, сейчас в тени пребывает мадридский «Реал», выбыл из розыгрыша европейских кубков миланский «Интер», а совсем недавно эти мощные, богатые клубы царствовали на континенте. Остались за бортом чемпионата Европы, не попав в число восьми, сборные ФРГ и Португалии, всего полтора года назад выдвинувшиеся в призеры чемпионата мира. Я называю только наиболее явные, бросающиеся в глаза превращения. На самом деле их гораздо больше.

Взять хотя бы выдвижение польского футбола, в чем мы могли убедиться в минувшем году во время трудных игр сборных команд (2 : 1 и 1 : 0) и в вечер победы «Гурника» на киевском стадионе. Нет, не результаты матчей, не итоговые цифры заставляют делать этот вывод, а общее впечатление от вполне современного построения игры польских команд, от их готовности бороться до конца, от молодых талантливых игроков, ведущих себя на поле с уверенностью Чарльтона и Эйсебио.

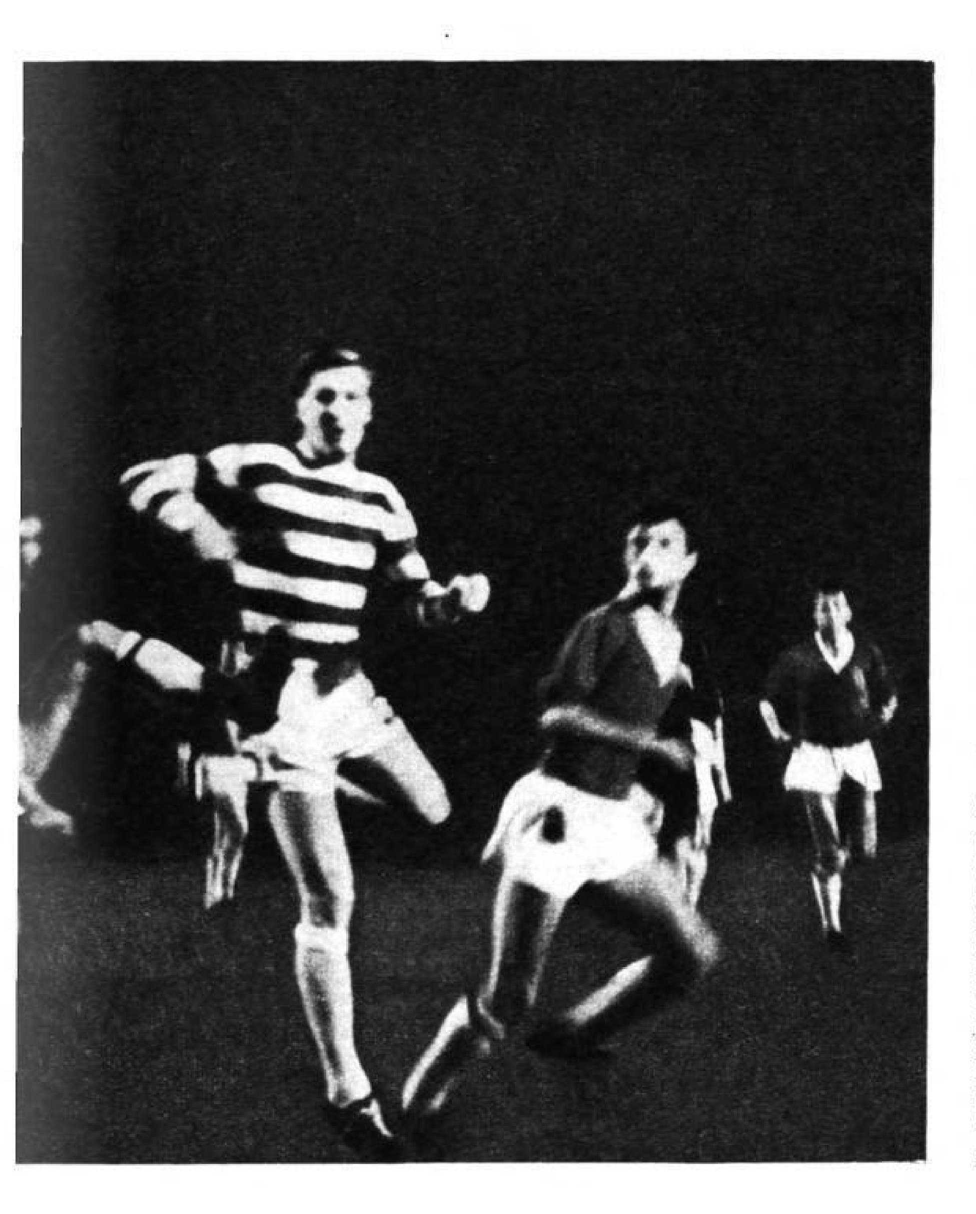
Да и вообще нет ни одного другого вида спорта, где бы, как в футболе, было такое множество противников, каждый из которых таит угрозу. Только оглядывайся и поворачивайся! Без всякого преувеличения можно сказать, что силы в футболе равны и не существует в нем вечных, общепризнанных фаворитов и лидеров. Показательна в этом смысле история сборной Бразилии. Она несколько лет казалась всему миру идеальной и непревзойденной, а ныне вынуждена все начать сначала, и никто не знает, на что она способна. Ее состав мы знали наизусть, как детский стишок, а сегодня не в состоянии назвать ни одного имени, хотя мексиканский чемпионат не так уж далек.

В чем же состоит высшее футбольное образование? Разумеется, основы закладываются в родном внутреннем чемпионате, в научно обоснованной системе тренировок (кстати замечу, что пока наши команды получают на 200 часов занятий в год меньше, чем полагается). Очень важны методические и психологические исследования, изучение опыта видных зарубежных специалистов, программа обучения тренеров. Всего и не перечислишь. Но футбол прежде всего состязание, и все достижения домашнего производства проходят проверку только в матчах с сильными зарубежными командами. Без этой проверки мы лишены возможности и права судить о завершенности образования.

Могут сказать, что наши дела в этом смысле совсем не дурны: ведь не за красивые глаза солидный журнал «Франс футбол» выдал нашей сборной своеобразный диплом с отличием, присудив ей первое место в Европе по результатам прошлого года.

Диплом приятен, спору нет. Но пусть он нам не застилает перспективы. Будем откровенны, ведь почетное место в классификации и международный авторитет принадлежат нашей сборной, и только ей, а клубные команды такого признания еще не получили.

Создалось своеобразное положение. Одна из аксиом футбола гласит: «Сильные клубы — сильная сборная». Наперекор этой истине, решив, что наши клубы пока не способны стать опорой национальной команды, федерация предприняла меры чрезвычайные и поставила сборную в исключительные условия. Для нее был создан отдельный календарь игр, свой тренировочный режим, ее тренерам позволили изымать любых игроков из клубов на любое время. Эта мера вызвала массу недоумений, многие, не только болельщики, но и признанные знатоки, ставили под сомнение ее разумность. Как правило, возражения аргументировались ссылкой на опыт ведущих футбольных держав, где, как известно, клубы не любят одалживать своих игроков и тренеры национальных команд обычно имеют очень ограниченное время для подготовки. У нас на это пошли, что называется, рискнули. И, пожалуй, справедливо будет сказать, что наша сборная все же оправдала и внимание, к ней проявленное, и жертвы, принесенные клубами. Четвертое место, впервые завоеванное ею в чемпионате мира

1966 года, и неплохие итоги сезона 1967 года — все это ведь достоверные факты.

Однако вернемся к тому условию, от которого отталкивались, пускаясь на эксперимент. Оно, как было сказано, состоит в том, что наши команды высшей лиги не в состоянии быть опорой сборной, поставлять ей в любое время игроков безукоризненно, всесторонне подготовленных.

Недавно во время одной встречи с любителями футбола я получил записку: «Назовите наши клубы европейского и мирового класса». Это был трудный вопрос, и я почувствовал, что даже если и назову какие-либо команды, то. доказать свой выбор не сумею. В самом деле, где доказательства? Одни только предположительные рассуждения, по интуиции, на глазок...

Между тем если обратиться к статистике международных встреч наших команд за последние четыре года, то цифры выглядят внушительно. Проведена без малого тысяча матчей с командами 79 стран. Однако перед нами, что называется, валовые итоги, которые далеко не все сообщают. Здесь собраны воедино многочисленные встречи с командами развивающихся стран Азии и Африки, здесь товарищеские, легкие встречи с несильными противниками, которые вернее всего назвать футбольным туризмом.

Само собой, помощь странам, где футбол только начинает свою историю, дело благородное и необходимое. Тут возражать не приходится. Но среди этой тысячи мы с трудом отыщем встречи с клубами действительно сильными, у которых, в свою очередь, наши команды могли бы кое-что позанять. Такие встречи наперечет. Уже давно проводятся в Европе турниры, ставшие необыкновенно популярными,— Кубок чемпионов и Кубок кубков. У нас на удивление долго обсуждался вопрос о возможности вступления в эти турниры, причем, если вспомнить, пресса была единодушно «за». Обсуждение шло, шло, и уходило время. Наконец с опозданием на несколько лет наши команды включились в эти турниры. Киевские динамовцы провели в них 10 встреч, торпедовцы — 6 и спартаковцы — 4. Эти двадцать матчей и составляют пока весь опыт официальных матчей нашего клубного футбола. Он легко мог быть в несколько раз больше, если бы не удивительная нерешительность.

Но, странное дело, хотя та ошибка всем очевидна, она повторяется! Наши клубы до сих пор не играют в Кубке ярмарок, хотя это турнир очень сильного состава, и в нем, кроме того, может участвовать сразу несколько команд одной страны. Опять теряется время, которое так дорого при нынешнем стремительном совершенствовании футбола.

Даже если следить за футбольными событиями только по телеграфной хронике, и то бросается в глаза, как много всюду затевают всевозможных международных турниров. В разных странах, в разное время года. И каких турниров! Ведь вот, например, в январе в Чили играли друг с другом бразильский «Сантос», аргентинский «Ресинг», венгерский «Вашаш», сборные Чехословакии и ГДР и три чилийских клуба. Поистине превосходный случай, чтобы испытать игру самых разных вкусов и истолкований, причем на высоком уровне. Нашей команды в этом турнире не было.

Наверное, давно бы уже полагалось проводить на наших стадионах какой-либо своеобразный традиционный турнир, на который бы съезжались первоклассные команды разных стран. Может быть, стоило бы учредить приз, скажем, Льва Яшина, и чтобы он, вратарь, которого знает весь мир, всякий раз этот приз вручал.

Несколько лет назад на страницах «Огонька» я писал о том, что хорошо бы организовать матч, предположим, десяти ведущих клубов Англии и СССР. В один и тот же день пять встреч проводились бы на стадионах Англии и пять — на наших, в разных городах. Я и сейчас убежден, что за такой встречей следил бы весь футбольный мир, а команды готовились бы к ней и с интересом и с чувством ответственности.

Помню, единственное возражение, услышанное мной, заключалось в том, что мы эту встречу можем проиграть в общем зачете. Согласен, что это не исключено, хотя и не так уж обязательно. А во второй или третий раз можно было бы уж наверняка выиграть. Да мало ли что можно придумать для наших клубов! Дело в конце концов не в форме. Но жизненно необходимо, чтобы они имели частые и регулярные встречи, значительные, интересные в спортивном отношении, которые бы запоминались и учили.

Мне думается, что большинство наших команд высшей лиги готово включиться в самую серьезную борьбу. Нет сомнений, что в этом случае спустя короткое время тренеры нашей сборной получат в свое распоряжение много надежных игроков, обладающих всесторонним опытом, о чем сейчас они пока только мечтают. Вполне вероятно, что сама собой отпадет необходимость сборной команде обосабливаться, существовать изолированно, а не заодно с клубами, внутри них.

Мы должны быть, конечно, признательны всем игрокам, входившим в сборную, за то, что, вступив на тропу борьбы в 1952 году, они сделали советский футбол авторитетным, а свою команду ввели в довольно узкий круг сильнейших в мире, добились того, что отныне на нее все соперники поглядывают с опаской. Конечно, это достижение подготавливалось годами, всем развитием советского футбола. Но тяжесть решительной и неимоверно сложной борьбы вынесла на своих плечах все-таки наша сборная, начиная от той, где капитаном был Всеволод Бобров, и кончая сегодняшней, которую выводит на поле Альберт Шестернев. Тяжесть эту изведали и тренеры Борис Аркадьев, Гавриил Качалин, Константин Бесков, Николай Морозов, Михаил Якушин.

Но только ли об этом мы мечтаем? Думаю, не ошибусь, если скажу, что каждый наш болельщик в мыслях ушел гораздо дальше. Он страстно хочет, чтобы сборная СССР играла не просто прочно, надежно, солидно, а чтобы она была в силах любому противнику продиктовать свою волю, чтобы она явила миру оригинальный, единственный в своем роде стиль, выносила и защищала свои собственные игровые воззрения.

Наша сборная пока выглядит в высшей степени практичной, умеющей приспособиться к любому противнику, она способна выиграть любой отдельный матч. Но мы все-таки не ощущаем пока ее настолько своеобразной, чтобы радостно и гордо воскликнуть: «Смотрите, как играют наши, это же одно удовольствие, это красиво!»

Я слышал от некоторых специалистов, что уже сейчас наша сборная имеет право играть гораздо смелее, проводить в атаках большую часть времени и что мы, вероятно, просто недооцениваем запас своих сил. Не возьмусь судить, насколько это верно. Более очевидно другое. К сборной, сделавшей мощный рывок вперед и, говоря военным языком, углубившейся в расположение противника, пора срочно подтягивать главные силы советского футбола,— наши клубы. Только тогда можно завоеванное надежно удерживать и развивать новое наступление. Все-таки аксиома «сильные клубы — сильная сборная» не пустые слова.

Отступать от планов, по которым нынче живет наша сборная, было бы неразумно. Скорее всего перед лицом сложнейших испытаний, которые ее ждут и в этом году и в следующие годы, планы эти естественны. Но ведь вот ей уже приходится брать на себя лишнее, выступать, помимо чемпионата Европы, еще и в олимпийском турнире, где, вероятно, должна была бы участвовать другая команда. Долго пребывать в авангарде в одиночку нелегко. Наши клубы обязаны выходить на переднюю линию огня, должны обзаводиться таким же высшим, разносторонним образованием, как и наша сборная. Иного пути к новым успехам, в том числе и к «Золотой богине», не видно.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИЗ

Льву Яшину не раз приходилось держать в руках призы, завоеванные как его командой, так и лично им. И вот еще один трофей — хрустальный «Подснежник», приз традиционного турнира, организованного газетой «Советский спорт» и Федерацией футбола СССР,— в руках у знаменитого вратаря.

В прошлом сезоне московские динамовцы также завоевали первое место в весеннем турнире, но тогда команда накануне финального матча отправилась в зарубежное турне, и в решающей встрече выступали молодые игроки. Теперь пришлось потрудиться основному составу. Динамовцы забили в ворота противников 12 мячей, а пропустили всего 3. Решающий гол в финальном матче с командой «Нефтчи» (2 : 1) забил в дополнительное время Ю. Авруцкий, сильнейший снайпер «Подснежника» нынешнего сезона.

Несмотря на то, что турнир «Подснежник» проводится всего второй год, он уже получил всеобщее признание. Для динамовцев «Подснежник» — это счастливый приз: в прошлом году, завоевав хрустальный кубок, его владельцы стали впоследствии серебряными призерами чемпионата страны и обладателями Кубка СССР.

На снимке: Лев Яшин и капитан команды «Динамо» В. Маслов с хрустальным призом «Подснежник».

Фото М. Загоряна.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ-ЖАНР

Маленький человечек разметался на полке поезда, а на другой теснятся двое взрослых, чтоб сыну удобнее.

— Пожалуй, сначала меня заинтересовала именно внешняя сторона композиции,— говорит Михаил Юрьевич Кугач, автор картины «Семья в пути».— Но при работе над ней самым главным стал для меня рассказ о матери.

...Спят мужчины. И заботы молодой женщины о них двоих. Она охраняет их сон, их покой.

В композиции нет сентиментальности. Это жанровое полотно, наполненное трогательно наблюденной жизненной правдой. Автор его — молодой художник. Шесть лет назад окончен художественный институт. Дипломная работа — «Гудки»: рабочие депо в траурные ленинские минуты.

Картина создана молодым живописцем, конечно, под влиянием творчества отца — Юрия Петровича Кугача.

— Образы моей дипломной работы — это герои отца,— рассказывает Михаил Кугач.— И тема композиции, которая продолжает меня увлекать и сейчас,— основная тема его творчества — революционная история нашей страны.

Молодой художник-жанрист уже много выставлялся: на московских, республиканских и всесоюзных выставках.

Сразу после института имени Сурикова несколько друзей: Кугач, Пархунов, Федотов, Носов, Соловьев — пришли на текстильный комбинат — новое, совершенное производство. Поставили свои мольберты в цехах, клубе, проходной, столовой и стали работать. Увлеченность темой, непосредственность, живость восприятия помогли создать искренние, правдивые произведения. Со многими из них зрители могли познакомиться на выставке «Москва — столица нашей Родины». Михаил Кугач показал там три живописные композиции: «Проходная», «Обеденный перерыв», «В подсобном цехе».

...Во дворе Академии художеств СССР маленький домик — здесь студии мастерской, которой руководит Борис Владимирович Иогансон. Каждый день два последних года занимался в мастерской Михаил Кугач. Он написал там пейзаж и жанровое полотно «В семье прибавление», хорошо принятое президиумом Академии художеств СССР, который постоянно поддерживает творческий контакт с мастерской.

Сейчас живописец, верный семейной традиции — жанровой картине, собирает материал для композиции «Праздничное утро». Улица небольшого городка. Гуляет народ. Папы чинно прогуливаются с колясками... И городок, о котором будет вести рассказ художник, хорошо ему знаком. И папа с коляской — биографическая деталь.

Н. АНДРЕЕВА

ДЕБЮТ

В прошлом году студент-выпускник Латвийской Академии художеств представил картину «Гимнастки» в качестве своей дипломной работы. Спортсменки собрались у широкого и светлого окна, за которым проступают очертания домов. Сосредоточенные, задумчивые лица. Отказавшись от уже привычного, экспрессивного изображения этой темы, темы юности, художник нашел свое решение — мягкая тягучая пластика форм, как бы замедленны грациозные движения... Строгие экзаменаторы поставили отличную оценку.

Алдис получил назначение на работу — преподавателем рисования и живописи в училище прикладного искусства в приморском городе Лиепая. А его «Гимнастки» отправились в Москву на Всесоюзную выставку произведений выпускников высших художественных заведений.

Еще на четвертом курсе Алдис Клявинь обратился к спортивной теме. Он ведь и сам увлекается баскетболом, легкой атлетикой. Его курсовая работа — тоже «Гимнастки» — привлекла тогда внимание преподавателей. Но Клявинь считал ее незавершенной. И снова на последнем курсе академии выбрал эту тему для диплома. В тот год он занимается в мастерской профессора Эдуарда Калниньша, советы которого так помогли ученику. Дипломанта часто можно было видеть в спортивных залах и на спортплощадках.

Путь в искусство Алдиса Клявиня — это не стремительный взлет. После семилетки он поступает в Рижское училище прикладного искусства, но со второго курса уходит в техникум культпросветработников. С дипломом клубного работника начинает службу в Советской Армии в армейском клубе — художником. После демобилизации Алдис Клявинь сдает экзамены в Латвийскую Академию художеств, но не проходит по конкурсу. Лишь через год, после настойчивой подготовки, он становится студентом академии.

...Небольшая комната преподавателя Лиепайского училища прикладного искусства Алдиса Клявиня напоминает мастерскую. Всюду натянуты на подрамники полотна. Художник очень много времени уделяет живописи. Он отправил в Ригу, на выставку молодых художников, новую картину — портрет выпускницы Академии художеств, а ныне преподавателя этого же училища прикладного искусства Скайдриты Элксните. Еще одно его полотно — «Композиция с посудой» — было представлено на выставке в лиепайском музее.

Сейчас Алдис Клявинь готовится поступать в ассистентуру Ленинградского художественного института.

Владимир ЧЕЧЕТКИН

РИТМ ВРЕМЕНИ

Есть художники, чье творчество привлекает пристальное внимание с первого выступления неповторимостью манеры и остротой видения жизни. К таким живописцам принадлежит Таир Салахов.

Художник запомнился нам по дипломной работе «С вахты».

Салахов влюблен в свой город, в мужественных и суровых людей Апшерона — нефтяников, строителей. Поездки художника в море, на нефтяные промыслы не случайные эпизоды в жизни. Без них невозможно его творчество. Живописец увидел и показал нам стройную, сдержанную красоту индустриального города, суровую геометрическую выразительность нефтяных резервуаров, грозное море вокруг нефтяных эстакад, где день и ночь не прекращается работа. Нефтяники Салахова прочно вошли в советское искусство. Их собранность, воля, мужество, благородство — содержание картин живописца.

Активное, волевое начало он ищет не только в людях физического труда. Его портрет композитора Кара Караева наполнен энергией, творческим провидением, озаренностью таланта.

Для его работ характерны монументальность, современность, конструктивность. Всегда точно найдена композиция, строго отобраны детали, их мало, и каждая непременно несет смысловую и эмоциональную нагрузку. Есть ритм, подчиняющий все компоненты картины, объединяющий изображение в четкое целое.

На Всесоюзной юбилейной выставке висели две работы Салахова: «Женщины Апшерона» и портрет дочери — «Айдан».

Первая — монументальная композиция, ее образы возвышенны, несколько торжественны. То, что художник вводит в картину детей, делает ее более эмоциональной, вызывает у зрителей милые каждому ассоциации.

Второе полотно — «Айдан». Исполненное с лирической нежностью, оно раскрывает зрителям очень важную сторону искусства живописца. В этом небольшом камерном портрете открыто проявляется та черта художественного мировосприятия мастера, которая в больших полотнах отодвигается как бы на второй план,— нежность, лиричность, ощущение красоты. Красота в естественности, ясности простых вещей. Очарование детства привлекает художника. И не удивительно, что такое большое значение в этой работе Салахов придает именно живописи. Он решает здесь сложную задачу соотношения белых тонов. И как бы непосредственно связывает изысканное живописное решение с представлением о чистоте, обаянии детства.

Живописец много работает в самых различных направлениях. У него есть театральные декорации, портреты, натюрморты, пейзажи, жанр, выполненные фломастером, акварелью, темперой, маслом. Салахов великолепно знает свой родной Азербайджан, но не только потому, что объездил все его уголки с этюдником. Он депутат Верховного Совета.

В тридцать шесть лет Салахов получил звание народного художника Азербайджана, а затем был избран членом-корреспондентом Академии художеств СССР. Его основной герой — это человек труда. Сам художник о нем писал так: «Мы должны создать образ нашего современника во всем его повседневном величии, я бы сказал — в его будничной праздничности. Мы должны отобразить героя наших дней во всей его человечности. Ничто человеческое не должно быть чуждым нашим героям: ни слезы от радости победы, ни счастливая улыбка материнства, ни трепет нежности, ни боль неразделенной любви.

И вместе с тем это должен быть Человек с большой буквы, умеющий преодолевать слабости, борец, никогда не склоняющий головы, гордо глядящий вперед — в наше коммунистическое завтра».

Л. АКИМОВА

СЕВЕРНЫЕ ПЕСНИ

Нева. Гранитная набережная. И фасадом к ней — здание Академии художеств. В коридорах тихий говор. В аудиториях института имени Репина выпускные экзамены. Взволнованные юноши, девушки. И среди них в первом ряду пожилая женщина. Морщинки избороздили ее открытое, обветренное лицо, на извилинах, обрамляющих рот, следы солнечного загара. Положив на колени натруженные руки, она смотрит на маститых художников-экзаменаторов.

Мать Владимира Табанина приехала издалека на выпускные экзамены послушать, что будут говорить о ее сыне, который с детства мечтал стать художником. Родные места Владимира — северные архангельские края. Неподражаемые восходы и закаты ярко раскаленного солнца. Белые ночи...

И вот уже позади долгие годы учения. «Северные песни» — плод неустанных поисков, наблюдений. На вкладке журнала воспроизведен лишь фрагмент дипломной работы — часть эскиза росписи для гостиницы в Новгороде. Все произведение — на выставке в институте.

Члены государственной комиссии хорошо принимают «Северные песни». Им известно, что, кроме этой работы, Табанин сделал прекрасные росписи в школе на Васильевском острове. Молодому человеку было сказано много добрых слов и напутствий. Владимиру Игнатьевичу Табанину поставили отличную оценку, присвоили звание художника и приняли в творческую мастерскую профессора А. А. Мыльникова. Это было без малого почти два года назад.

— Жизнь подтвердила, что высокая оценка творчества Владимира Табанина была справедлива,— говорит нам теперь А. А. Мыльников.— Это действительно талантливый юноша. Он в числе пяти молодых художников, которым предоставлена возможность совершенствовать свое мастерство. Работая в творческой мастерской, он вместе с другими выполнил роспись в одной из новых детских поликлиник. Табанину принадлежит большая роспись на тему русских сказок. Его картина — о первых революционных событиях в деревне — была принята на Всесоюзной художественной выставке. Мне нравится, как Владимир Табанин остро чувствует природу, искренне любит ее, умело использует в своем творчестве традиции русского искусства.

К. ЧЕРЕВКОВ

Т. Салахов (Баку). АЙДАН.

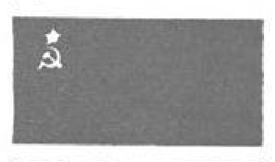
В. Табанин (Ленинград).
СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ.

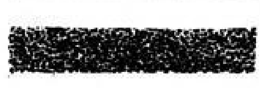
Фрагмент росписи
гостиницы в Новгороде

4 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

TESTVÉRI BARÁTSÁG

РАПСОДИЯ

Есть в моей домашней фонотеке одна пластинка, которую я храню как самую дорогую фронтовую реликвию. Один краешек отбит осколком мины, которой был ранен и я.

Когда мы взяли Будапешт, все красавцы мосты через Дунай были взорваны, здание парламента горело, Буда лежала в развалинах.

Нас отвели на отдых на окраину Пешта. Нашу минометную роту расквартировали в полуразрушенном двухэтажном особняке. Из жильцов там осталась лишь семья инженера Иштвана Фаркаша. Его жена пластом лежала в постели, детишки — девочка лет четырех и шестилетний мальчик — забыли, когда ели досыта.

Я вменил в обязанность своему ординарцу доставлять с нашей кухни четыре порции дневного солдатского рациона в квартиру этой семьи. Сахар мы отдавали детям из своих дополнительных пайков. Ребятишки доверчиво забирались к нам на колени, обхватывали наши шеи худенькими ручонками и, обдавая теплым дыханием, произносили:

— Кёсёнём!

«Спасибо» — было первое венгерское слово, которое мы научились понимать без переводчика.

Через неделю дети стали бегать, играть. А спустя еще несколько дней поднялась на ноги и их мать.

Однажды я услышал доносившуюся из комнаты инженера музыку. Когда я, постучавшись, вошел, Иштван Фаркаш на ломаном русском языке объяснил, что его жена в знак глубокой благодарности хочет играть для нас на рояле весь вечер. И вот тогда-то я и услышал знаменитую вторую рапсодию Листа.

Когда мы уходили на Запад, к Балатону, Фаркаши прощались с нами со слезами на глазах, словно с родными. Да и мы привязались к ним.

— Мы просто не знаем, как вас отблагодарить за то внимание, которое вы оказали нам и особенно нашим детям,— говорил мне Иштван.— Примите от нас этот скромный сувенир. Пусть он вам всегда напоминает о том, что у вас здесь остались друзья. Тэшшек, пожалуйста!

Так у меня оказалась пластинка с венгерской рапсодией Листа.

Балатон!.. Бои здесь были кратковременные, но смертельные. Многих боевых друзей недосчитались мы тогда. Хоронили их под гром канонады и звуки венгерской рапсодии, которую проигрывали на старом патефоне. Побывала эта пластинка и в поверженном Берлине.

Много воды утекло с той суровой поры. И вот недавно я вновь побывал в Будапеште — теперь уже в качестве туриста. Я не узнал тех мест, где когда-то стоял скромный особнячок. Вокруг высились целые кварталы многоэтажных домов. Как же мне разыскать своих давних знакомых?

Этот вопрос я задал первому встретившемуся здесь пожилому человеку с седой шевелюрой.

— Сэрвус! Я инженер Иштван Фаркаш! — заулыбался он.— Чем могу быть полезен?

Я извинился. Это был не тот, кого я разыскивал.

— Вы, наверно, разыскиваете того инженера Иштвана Фаркаша, кого Советское правительство медалью «За боевые заслуги» наградило? Подождите немного. Сейчас позовем. Он живет в доме напротив. Второй подъезд. Сто седьмая квартира.

Пришел, прихрамывая, мужчина с медалью. Нет, не тот.

Старик почесал затылок и вновь заулыбался:

— Быть может, вам нужен инженер Иштван Фаркаш, что раненого русского летчика от немцев прятал?

Подошел стройный черноволосый человек. Не он.

— О! — воскликнул старик.— А не тот ли нужен вам инженер Иштван Фаркаш, что учился в Москве?

Потом приводили всех Иштванов Фаркашей, которые жили в округе. Они выслушивали мой рассказ и сочувственно пожимали плечами. Не они!

— Как же мне быть? — растерялся я.

— Как быть? — переспросил старик.— У нас Иштванов Фаркашей, как в Советском Союзе Ивановых или Петровых. И не беда, что мы не нашли того Иштвана Фаркаша. Искали одного, а нашли сколько!

Потом я сидел на почетном месте за столом у старого Иштвана Фаркаша в окружении однофамильцев хозяина.

А из соседней комнаты доносилась знакомая мелодия венгерской рапсодии Листа.

А. КОМАРОВ

Будапешт. Гора Геллерт. У памятника советским воинам.

Снимок прислан на конкурс читателем А. Кузиным.

Дмитрий ТРУНОВ

ОБЕЛИСК В ДЮНАХ

Если вы поедете из Махачкалы в Каспийск, то по правую руку вам откроется пейзаж, напоминающий пустыню. Дюны. Мертвые дюны. В ветреные дни они курятся желтым дымом. И как бы ни были густы песчаные облака, путник обязательно увидит белый обелиск. На нем слова: «Здесь покоится прах 23-х красноармейцев-добровольцев венгров, погибших при защите подступов Порт-Петровска в сентябре 1918 г.».

Много венгров, бывших военнопленных, ставших красноармейцами, сражалось полвека назад за свободу Дагестана. Легендарный Лайош Гавро (впоследствии кавалер двух орденов Красного Знамени) весной 1918 года участвовал в освобождении Темир-Хан-Шуры (ныне Буйнакск). Венгры-интернационалисты сражались на Кизлярском фронте, в боях у кумыкских аулов Костек, Чонтаул, Шамхал-Янги-юрт, под стенами Дербента. Никогда не забудется их подвиг в прикаспийских дюнах, на подступах к Махачкале, которая тогда называлась Порт-Петровском.

Три тысячи хорошо обученных, блестяще вооруженных английскими империалистами казаков, предводительствуемых Лазарем Бичераховым, ворвались со стороны Баку в Дагестан через несколько месяцев после того, как здесь была установлена Советская власть.

В дюнах завязалось ожесточенное сражение, здесь покрыли себя вечной славой венгерские бойцы. Они были опытными солдатами — артиллеристами, пулеметчиками. Тот участок обороны, который они держали в дюнах, был несокрушим. Много раз враги бросались в атаки, но откатывались назад. Говорят, сам Бичерахов назвал этот участок железным заслоном и пообещал в случае прорыва не оставить в живых ни одного венгра.

Железный заслон выстоял, но бичераховцы прорвались в других местах и окружили венгерских бойцов. Бичерахов учинил чудовищную расправу. Двадцать три венгра были живьем зарыты в песок...

Когда их — израненных, связанных ремнями — зарывали, они кричали в лицо палачам:

— Мы умрем, но Советская власть будет жить!

— Будет жить Советский Дагестан!

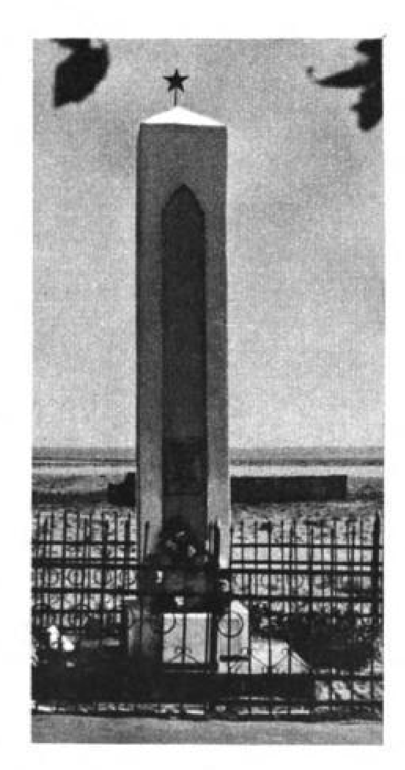
Газета «Красный воин» в октябре 1918 года писала: «Венгерские товарищи сражались до последней капли крови... Россия рабочих и крестьян с благодарностью вспомнит о вашей героической самоотверженности, и жители Дагестана, вернувшись в Петровск, поднимут достойный памятник над вашими могилами»...

Такой памятник воздвигнут. В Махачкале одна из улиц носит имя Венгерских Бойцов.

Несколько лет назад делегация ветеранов революционных боев из Будапешта установила у подножия обелиска гранитную урну с венгерской землей. На урне слова золотом: «Пусть эта горсть земли говорит о том, что бессмертен тот народ, который имеет таких сынов».

Махачкала.

Фото О. Исрапилова.

ЛЮДИ И ЗЕМ

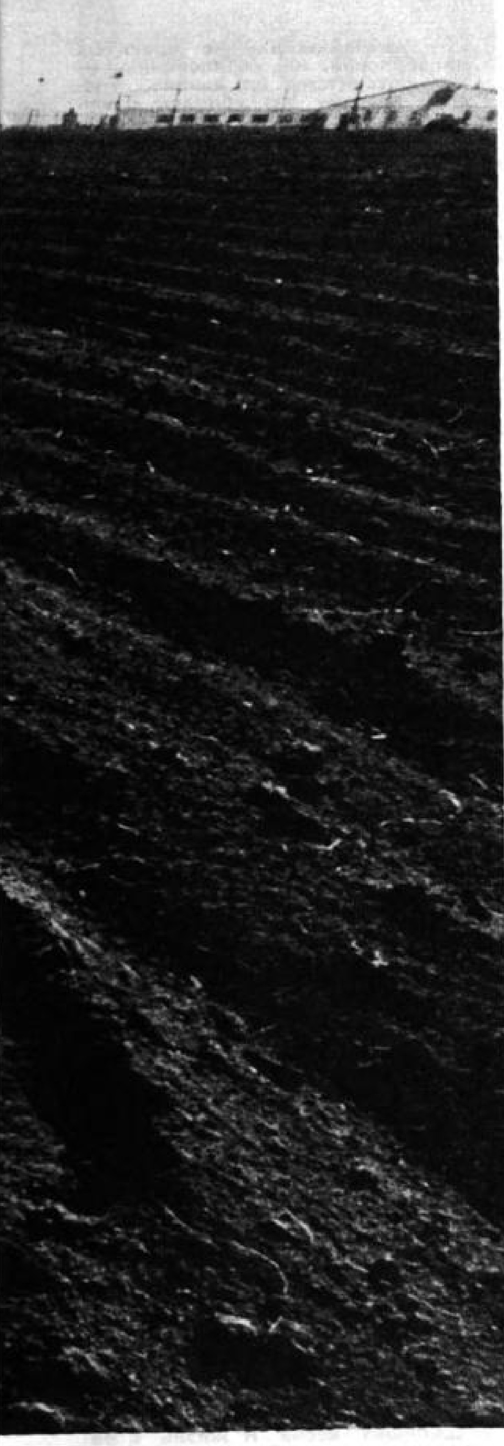
Семья Балацких в сборе.

Н. ХРАБРОВА

Фото Л. БОРОДУЛИНА
Специальные корреспонденты «Огонька»

Юная весна, синие взоры подснежников, утренние голоса птиц. Горячее солнце и холодный ветер с предгорий, где в трещинах и оврагах местами еще ветвисто белеет снег. А поля парят. Цвет земли, бархатно-черный и бархатно-зеленый вблизи, на горизонте переходит в туманную синеву. Там, вдали, полого и спокойно лежат рыжие горбы предгорий, а за ними в белесо-голубом небе вдруг проступают высвеченные солнцем хрустально-розовые вершины Эльбруса, темная Верблюд-гора, тяжелый Бештау. Северный Кавказ. Точнее, Ставропольский край. Еще точнее — Кочубеевский район. Говорят, здесь самый вкусный

В колхозном саду...
Семьдесят седьмая весна Александра Ивановича Габривного.

ЛИ

в России пшеничный хлеб, самая длинная и тонкая в стране овечья шерсть — шелковистое руно. Говорят: посади оглоблю — тарантас вырастет.

Недаром шли сюда люди с небогатых рязанских, с засушливых украинских полей. От недородов, от помещичьих оброков уходили в далекие — не разыскать — степи, в казачью свободу на Кубань и на Подкумок, под крыло вольного ветра. Ставили среди просторов первые дома, сажали первые вишни и, изумленные щедростью земли, называли новые поселения — Благодатное, Изобильное, Заветное...

Только нет еще такой земли на Земле, где запросто можно бы посадить оглоблю и вырастить тарантас. Тучный предкавказский чернозем быстро высыхал на ветру и на солнце, уже в марте хвост пыли тянулся за боронами. А рядом до июня не просыхали мочаки, потому что под тонким слоем чернозема лежат солонцы: тополя как дотянутся до них корнями, так и гибнут. Да к тому же еще и «Армавирская труба»,

или «Армавирский коридор». Тянется он между взгорьями от самого Каспия до калмыцких степей, и воздух с Каспия со свистом врывается в эту как бы аэродинамическую трубу, гонит весной холод, летом пыль. Да не праздная пыль — плодородный пахотный слой черной бурей летит по «трубе», черными наметами засыпает деревенскую улицу, губит сады и поля. А следующей весной снова щедро цветет земля, густой зеленью вскипают альпийские луга, поля сторицей воздают золотое зерно, и вишни созревают крупные, как райские яблоки, а яблоки не умещаются на ладони.

Годы шли, складывались в десятилетия — от урожая до урожая, от черной бури до черной бури — без перемен.

— Дид мий, Марко Евгеньевич, що прийшов сюды з Украины, так тут жил и робыв, и батько, Яков Маркович, тоже,— рассказывает историю своей семьи Мария Яковлевна Балацкая.

— А про Ивана, чоловика мойого, скажу: не схотив вин так бильше и в первый день, как колхоз организувалы, повел с базу коров та коней. А я повисла на уздечках: «Не пустю!» Отпихнул вин менэ: «Иды видсиля». И пошел, будто и не бачит менэ, будто я ему чужая.

Тут Мария Яковлевна и поняла: не кричать, а идти за ним надо,— и пошла.

Межи распаханы — от края и до края пролегли черные поля. Думы взбудоражены: если бог ошибался, создавая землю, то людям-то каково ее заново перекраивать? Но они перекраивали и верили: наступит такой день, когда все поймут и почувствуют, если одному черная буря несла беду, то всем вместе, колхозу эта беда в полбеды. И первые тракторы придут на черные земли, и год от года дружнее пойдет труд и жизнь.

Работал муж Марии Яковлевны в колхозе чабаном. А она?

— А что мужики робыли, то и я робыла.

Однажды простудился Иван Яковлевич и сгорел в три дня, оставив ей большое наследство: шесть сыновей и одну дочь. От шестнадцати лет и меньше. Двое старших погибли на войне. Алексей вот тут, на этой самой Пролетарской улице, где живут теперь его мать, сестра и братья: разминировал выход на Кубань и ошибся в чем-то сапер... А Иван погиб в Прибалтике.

Младшие подросли, женились, колхоз помог построить им новые дома здесь же, на Пролетарской улице, по соседству с матерью.

— И за то я кажу спасибо,— говорит Мария Яковлевна,— как схочу хлопцев побачить, сбигаю и побачу, бо автобусов не люблю.

Выросло село, могучими черными крыльями размахнулись поля колхоза «Октябрьской революции». И в каждой перемене, в каждой крупице общественного добра есть крупица и ее труда, Марии Яковлевны Балацкой.

Этой весной наступил в ее жизни день, когда ей и еще 20 основателям и бессменным труженикам колхоза решением общего собрания было присвоено звание почетного пенсионера, вручена красная с золотой надписью лента и к обычной пенсии прибавлена из колхозного бюджета персональная — еще 38 рублей. Поздравляли ее односельчане, правление, семья. За труд на своей земле, за верность колхозу, своему селу, своей улице и своему полю чокнулись и выпили в тот день ее сыновья с невестками и дочь с зятем. И еще пили за большую семью, в которой труд был всегда в почете, в которой человек труда самый уважаемый — он и есть хозяин всех богатств земли и первый среди первых на этой земле. А семья немалая: одиннадцать взрослых, да еще и внуки. Старший сын Марии Яковлевны — Владимир Иванович — работает экспедитором районного автохозяйства. Сбалансировать график движения грузового транспорта, привести его в соответствие с растущей экономикой хозяйств, особенно в недели сева и уборки,— дело не простое. Но Владимир Иванович не жалуется и даже шутит: «С простым делом и простак справится, а от меня ум и изворотливость требуются».

Единственная дочь Марии Яковлевны — Таисия Ивановна — уже много лет трудится в полеводческой бригаде. Николай Иванович восемнадцать лет работал трактористом: пахал, боронил, культивировал поля. А теперь он колхозный шофер. Дмитрий Иванович по стажу землепашца догоняет брата: семнадцать лет работает трактористом, все время в одной бригаде. Самому младшему сыну — Константину Ивановичу — исполнилось тридцать лет, а Мария Яковлевна, судя по всему, к этому привыкнуть никак не может, потому что с того самого времени, как Костя, став дорожником, сел на грейдер, каждый раз, встретив его на дорогах, машет рукой, останавливает:

— Ты бы, Костя, позорчее был, а то машина дуже велика, тай страшна.

— Вы не бийтесь, мамо, как только она на дыбки встанет, я спрыгну.— И, оглушив мать грохотом и лязгом, уезжает дальше выравнивать колхозные дороги. А мать, так и не поняв, шутит ли сын или нет, кричит: «Побалакай у менэ — я те спрыгну!»

Сыновьями и невестками — они тоже в колхозе,— дочерью и зятем Мария Яковлевна вполне довольна: в работе крепки и постоянны, между собой дружны, за столом любят пошутить, попеть и повеселиться. И она с ними.

* * *

Председатель колхоза «Октябрьской революции» — Иван Алексеевич Шереметьев. До этого он был здесь же плановиком. Еще раньше — секретарем парткома и главным агрономом, а еще раньше учился, рос в этих же местах. Ему еще нет и сорока, а добрых дел для земли он сделал немало. Каждый гектар ему известен, каждое дерево лесополос крепло и подымалось на его глазах, и на глазах хорошели поля, растения. Рассказывали, что Ивану Алексеевичу предлагались перемещения с повышением, а он не соглашался: «Здесь от меня проку будет больше».

Иван Алексеевич по-молодому щеголеват. В поступках его есть спокойная уверенность и чувство хозяина. Сейчас он вплотную занят строительством: завершается сооружение нового колхозного Дома культуры, заложены столовая, гостиница и еще один детский сад.

Разговор у нас был, как и в каждом колхозе, о мартовском Пленуме ЦК КПСС.

— Простор мысли дал — планируйте, хлопцы, на месте,— говорит Иван Алексеевич о переменах после Пленума.

— Не только «доим» поля, но и кормим их: органику вносим, около двух тысяч тонн минеральных удобрений получаем,— поддерживает разговор агроном Евгений Яковлевич.— Самолет, удобряющий наши поля, работает у нас по 6—7 месяцев в год.

У Григория Ивановича Джунева, секретаря парткома, свой угол зрения:

— Средний заработок колхозника здорово увеличился — с трех до четырех рублей 13 копеек за рабочий день. Капиталовложения почти вдвое выросли. Домов новых понастроили, платные отпуска ввели, двухсменную работу на МТФ. 200 человек ежегодно по колхозным путевкам ездят в санатории и дома отдыха. Каждое лето на своих машинах отправляемся к Черному морю. Вообще праздничного настроения стало больше.

А потом разговор переключился на дела завтрашние и послезавтрашние.

— Есть у нас и дальний прицел и более близкий,— говорит Иван Алексеевич.

И посыпалось:

— Горы сдвинуть, или, точнее, взорвать, чтобы «Армавирский коридор» перекрыть. Это прицел дальний, и не в наших, колхозных, возможностях. А сейчас срочно нужно нам еще полторы сотни грузовых машин, пусть не новых, пусть списанных, мы их живо приведем в порядок и заставим еще лет десять бегать. Ведь у нас в колхозе пятнадцать тысяч гектаров земли, и в уборочную урожай вывозить не на чем.

— Комбайны нам не нравятся, ни зерновой, ни свекловичный — они рассчитаны на низкие урожаи, поэтому мы убираем с потерями.

— Новый трактор «ДТ-75» тоже не нравится, не годен для наших земель, хорош был старый «ДТ-54», а его почему-то больше не выпускают.

— Культурные пастбища для овец надо создавать, потому что нашу овцу нельзя содержать на базу и кормить силосом, ей гулять нужно, а то она может переродиться, и тогда прощай лучшая в стране шерсть!

— Молочное стадо надо улучшать, белкового корма заготавливать вдосталь, довести удои до трех тысяч литров в год!

— Стоп, братцы, у корреспондента блокнота не хватит!

* * *

У корреспондента еще хватило блокнота на то, чтобы записать кое-что из планов и замыслов секретаря Кочубеевского райкома партии Василия Андреевича Вырвихвост. Ездили мы с ним по району, и он рассказывал:

— Этот ровный черный цвет наших земель не более чем оптический обман: в Кочубеевском районе сто восемнадцать разновидностей почв. Если говорить о настоящей культуре земледелия, то должно быть у нас сто восемнадцать индивидуальных агротехнических подходов землепользования — и по срокам, и по севооборотам, и по способам улучшения земли. Конечно, это уже большой шаг вперед, что мы наконец по-научному узнали наши земли. Но это только первый шаг. Теперь все поняли: оттого что колхозы планируют по-новому, более самостоятельно, в выигрыше и они и государство. Разумеется, заказ государства есть заказ, мы его выполняли и выполнять будем; вопрос в том, как лучше его выполнить. Нам действительно крайне нужны хорошие сельскохозяйственные машины. Но нужно и нам самим здесь всем, от рядового колхозника до руководителей района, заново учиться агротехнике. Точнее и лучше должны мы учитывать все, что могут и чего не могут производить наши земли со всеми их ста восемнадцатью плюсами и минусами. Узнать землю, научиться ее удобрять — этого мало. Надо научиться смело, творчески, по-хозяйски ею пользоваться. Над тем, как это сделать практически, мы в райкоме сейчас и размышляем.

* * *

...Спешит весна. И жизнь с ее праздниками и заботами, с дождями и солнцем, с началами и окончаниями разных работ спешит в будущее.

Современный полевой стан выглядит так.

ПИСЬМО В «ОГОНЕК»

...Мы постоянно помним об обложке «Огонька», где изображены одетые в меха два малыша-близнеца, которые топают по снегу. Это фото так нравится всем, кто видит его, что если бы существовала Ленинская или Нобелевская премия за обложку журнала, то в этом году она была бы непременно присуждена «Огоньку».

Я приклеил эту обложку на шкатулку моей жены Салли, в которой хранится текущая корреспонденция, и, таким образом, эта фотография бывает с нами каждое утро, восхищая наши глаза и сердца. Для нас это как письмо с приветом от дорогих советских друзей. Если вы знаете этих мальчишек, обязательно скажите им, что мы полюбили их, и покрепче обнимите их за нас.

С любовью

Рокуэлл Кент.

Фото Алексея Гостева.

«...Скажите им, что мы полюбили их, и покрепче обнимите их за нас»,— написал в «Огонек» всемирно известный художник Рокуэлл Кент о двух маленьких жителях Приполярья. Кто они? Как их зовут? Под какими звездами встретил их фотокорреспондент «Огонька»?.. Внимание Рокуэлла Кента к работе моего товарища возвращает меня мысленно в край искателей алмазов.

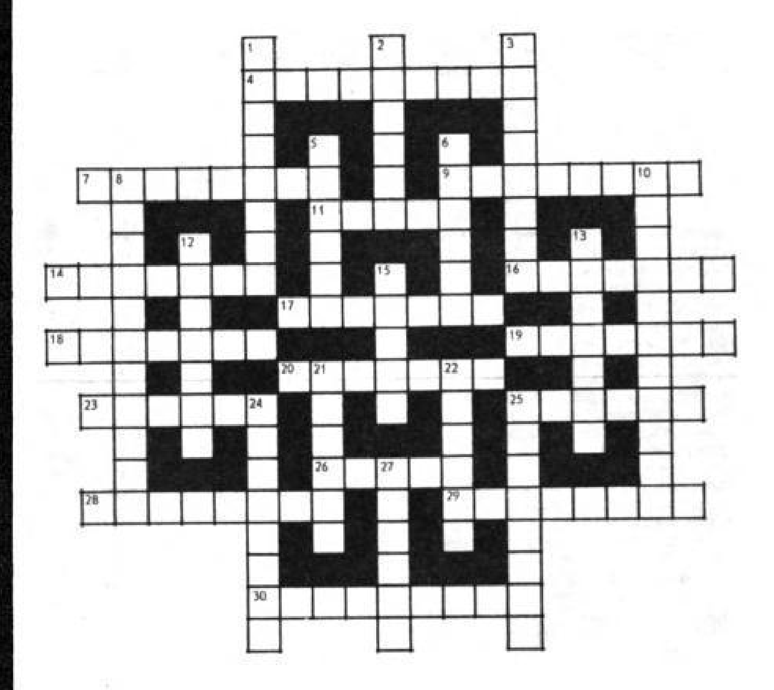
Это было почти год назад. Мы с Алексеем Ивановичем Гостевым прилетели из города Мирного в поселок Айхал. Стоял ослепительный март. Мы старались узнать все интересное о жизни людей, поселившихся в приполярной тайге, открывших и ныне разрабатывающих алмазоносную трубку «Айхал». По-якутски «айхал» значит «слава»... И вот мы побывали на дне алмазного кратера, где вгрызаются в панцирь вечной мерзлоты экскаваторы, в теплице у агронома Виктора Ипатюка (царство огурцов и бегонии) и в святая святых рудника — в лаборатории обогатительной фабрики. Там увидели якутские алмазы. Рабочий день подходил к концу, и приемщица Анастасия Григорьевна Макарова взвешивала последние порции добытого в тот день.

А потом мы гуляли по главной и единственной улице поселка и среди детской возни и собачьего визга вдруг увидели их. Они шли нам навстречу, как два пингвина. Только глаза их берегли от яростного света черные очки. И это было особенно трогательно и смешно. С малышами гуляла мама — приемщица алмазов Анастасия Григорьевна Макарова. Алексей Иванович Гостев уже снимал! А я узнал от мамы: это мальчишки, Костя и Артур, в поселке их все зовут Котя и Артурчик. Они очень дружны, хотя характеры близнецов совсем разные.

Отец, Семен Константинович Макаров,— инженер, работает на руднике заместителем начальника отдела капитального строительства.

...Теперь о существовании Коти и Артурчика знают даже за океаном. Пройдут годы, и, быть может, братья Макаровы станут смелыми охотниками, пилотами полярной авиации, первооткрывателями!.. Минул еще год. В приполярную тайгу прикатилось новое солнце. А вместе с ним привет старого и мудрого художника. Вот как это все было.

Н. БЫКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Музыкальный инструмент. 7. Вещество, получаемое из растительных или животных тканей с помощью растворителя. 9. Киргизский писатель. 11. Часть турбины. 14. Футляр для фотографической пленки. 16. Стихотворный размер. 17. Круглый хлеб. 18. Ткань с легким начесом. 19. Площадка для постройки судов. 20. Приток Ангары. 23. Австрийский композитор. 25. Указ, закон. 26. Музыкальный лад. 28. Чердачное помещение для жилья. 29. Газ, применяемый для сварки и резки металлов. 30. Керамическое изделие.

По вертикали:

1. Спортивная лодка. 2. Драгоценный камень. 3. Сопоставление противоположных понятий или образов в стилистике. 5. Река на Балканском полуострове. 6. Морской пейзаж. 8. Город в Алжире. 10. Второстепенный член предложения. 12. Речная мель. 13. Картина М. Б. Грекова. 15. Вид театрального искусства. 21. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 22. Картина или узор из цветных стекол. 24. Курорт в Италии. 25. Автономная советская республика. 27. Периодическое издание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

7. «Товарищи». 8. Объектив. 9. Заморозок. 10. Роттердам. 12. Ранец. 13. Розетка. 14. Тальк. 17. Дискант. 18. Нейтрон. 19. Сурдокамера. 22. Стрелец. 24. Плоешти. 28. Барий. 29. Радикал. 30. Эскиз. 31. Лейтмотив. 32. Казакевич. 33. Километр. 34. Каттегат.

По вертикали:

1. Годаварн. 2. «Чародейка». 3. Тихонов. 4. Морошка. 5. Скарлатти. 6. Гидальго. 11. Чертокуцкий. 15. Ингулец. 16. Февраль. 20. Гелиотроп. 21. Рейсфедер. 23. Трагедия. 25. Тримитас. 26. Палитра. 27. Гагарка.

ЖИЗНЕРАДОСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Летом 1920 года в Тверь (ныне г. Калинин) приехала на гастроли группа московских артистов и музыкантов во главе с известными солистками Большого театра А. В. Неждановой и Н. А. Обуховой и дирижером Н. С. Головановым.

Днем, перед репетицией, они случайно услыхали, как за роялем музицировал двенадцатилетний мальчик. Артисты обратили внимание на его музыкальные способности. По рекомендации Н. С. Голованова один из самых юных жителей Твери, Сигизмунд Кац, стал брать уроки музыки в Москве у профессора А. Б. Гольденвейзера. В училище имени Гнесиных Сигизмунд Кац занимался по классу композиции у профессора М. Гнесина, а по классу фортепиано — у профессора В. Шора. Еще в студенческие годы Каца пригласили пианистом в концертно-эстрадный коллектив «Синяя блуза», который широко нес людям современную тему, остро откликаясь на все, что их интересовало.

Сигизмунд Кац успевал писать песни и куплеты для «синеблузников», учиться в Московской консерватории... А потом — вместе с песней «Как у дуба старого» — пришла к нему большая популярность. В казачьей песне композитор заговорил своим собственным голосом, раскрыл свою манеру творчества, обрел свои музыкальные интонации.

Сигизмунд — или, как друзья называют его в жизни, Зига — веселый, жизнерадостный человек. Поэтому и песни его наполнены и лирикой и оптимизмом. Они очень разные, эти песни: «Шумел сурово брянский лес», «Сирень цветет», «Два Максима», «У нас в общежитии свадьба», «Дай руку, товарищ далекий!» и многие другие. Всего, конечно, не назовешь в небольшой юбилейной статье. Но о главном необходимо сказать: песни занимают, пожалуй, самое видное, место в интересном творчестве С. Каца. И многие из них получили широкое признание народа.

Лауреат Государственной премии СССР С. Кац — автор музыки к драматическим спектаклям и кинофильмам, оперетт; его концерты, его частые встречи с рабочими, колхозниками, студентами, военными всегда проходят задорно и увлекательно, встречая самый теплый прием.

Сейчас Сигизмунд Кац в расцвете творческих сил.

Сердечно поздравляя друга и товарища по профессии с шестидесятилетием, я искренне желаю ему новых успехов в советском музыкальном искусстве.

Ю. МИЛЮТИН,
народный артист РСФСР

На первой странице обложки: Юрий Алексеевич Гагарин. Снимок сделан корреспондентом «Огонька» Д. Ухтомским 24 марта 1968 года.

На последней странице обложки: Весна.

Фото Б. Кузьмина.

Утром в семье Гагариных.

К Гагарину зашел сосед — космонавт Леонов.

Тысячи раз интервьюировали и фотографировали Юрия Гагарина корреспонденты всех стран мира. Публикуемое интервью — последнее в его жизни. Публикуемые фотографии сделаны за три дня до трагической гибели первого космонавта...

24 МАР
ПОСЛЕД

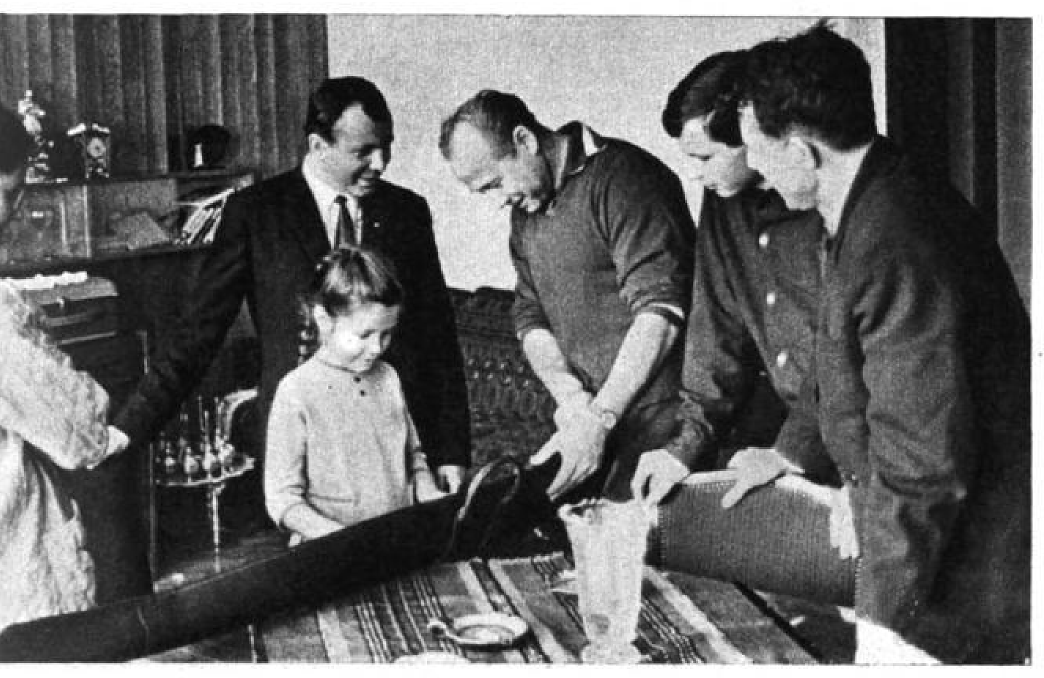
Пока хозяин дома дает интервью...

ТА 1968 ГОДА.
НЕЕ ИНТЕРВЬЮ

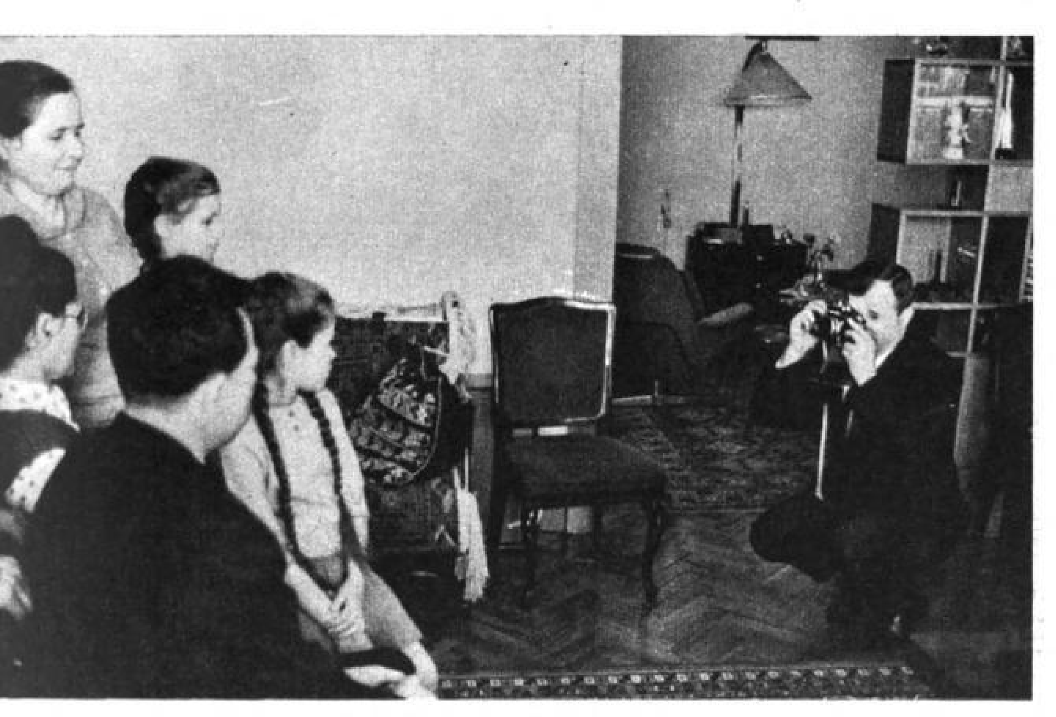
Алексей ГОЛИКОВ,
Дмитрий УХТОМСКИЙ
Специальные корреспонденты «Огонька»

Братья Гагарины: Юрий, Валентин, Борис.

Разговор шел об охоте.

Последний кадр, сделанный космонавтом.

Тогда мы, конечно, не знали, что через три дня Родина содрогнется от горя, что тысячи газет во всех странах мира выйдут с портретом первого космонавта планеты, очерченным траурной каймой. В то солнечное воскресное утро 24 марта мы приехали в «звездный город» к Юрию Алексеевичу Гагарину, как договаривались, к 11 часам.

— А полковник Гагарин в Москве,— сообщил нам дежурный офицер.

— Он назначил к одиннадцати!..

— Если назначил, то непременно будет, ведь сейчас еще без пяти. Подождите.

И действительно, ровно в одиннадцать подъехала черная «Волга». За рулем — Юрий Алексеевич в мягкой шляпе, весеннем пальто. Рядом — Валентина Ивановна.

— Жене последнее время нездоровится. Возил к профессору на консультацию,— пожимая нам руки, сказал Юрий Алексеевич.

Следуем за черной «Волгой» через лес, к многоэтажному дому. Лифт поднимает нас на шестой этаж в квартиру 22. За прихожей — небольшой холл. Круглый стол, мягкие кресла. В углу телевизор, на стене — знакомый всему миру портрет Гагарина в космическом гермошлеме. Юрий Алексеевич приглашает в столовую: «Пока Валя переодевается, побеседуем».

Накануне мы вместе с Юрием Алексеевичем смотрели в «звездном городе» цветной документальный фильм о космонавтах, о первом полете человека в космос. На экране — Гагарин в красном космическом костюме. Перед тем как сесть в корабль, он прощался с товарищами, а перчатки у него болтались на веревочке, словно у школьника, позабывшего их надеть. Мы спросили, почему они на веревочках.

— А чтобы в невесомости не уплыли, если снимешь,— улыбнулся Гагарин. И продолжил разговор о фильме:— Смотрел на экран, и казалось, словно вчера все это было. А ведь прошло-то уже семь лет. Однако все помню до мельчайших подробностей. И как волновался, радовался, как в последний раз назвал себя старшим лейтенантом, докладывая, что к первому полету на космическом корабле «Восток» готов. А перед стартом делал заявление для печати и радио — первое в своей жизни. Обращался-то ко всему человечеству!

Как быстро пролетели годы! Вот уже и академию закончил. Думал, теперь будет посвободнее. Все равно времени всегда в обрез. Занятия, тренировки на земле, полеты на самолетах различных типов. Непрерывно учиться приходится. Ведь космическая техника все время совершенствуется. Плюс к этому депутатские обязанности.

— А когда же отдыхать?

— Вот жена окончательно поправится, погружу свое семейство на катером, есть у меня такой, и махну куда-нибудь на природу. Порыбачить, у костра посидеть, поесть ухи...

Юрий Алексеевич хитро подмигнул нам и сказал:

— Но ведь вас такие мои мечты не устраивают. Вам космические подавай. А в этой области нам высказывать мечты не положено. Разве что общую для всех космонавтов, самую заветную: пошагать по другой планете, чтоб на ее пыльных тропинках оставить и наши следы, как в песне.

Разговор прервал Алексей Архипович Леонов. Он живет в соседней квартире. Принес Гагарину набор каких-то инструментов и чехол для ружья. Гагарин тут же достал ружье — шестизарядный дробовик, померил чехол, показал ружье.

— Еще не обстрелянное. Вот с Алешей соберемся на уток, попробуем.

— А в вашем клубе чьи охотничьи трофеи?

— Горный баран — Юры,— отвечает Леонов.— А кабан — мой.

Леонов ушел, а мы достали фотоаппараты и приступили к съемке.

— Чур, уговор!— предупреждает Гагарин.— У меня гостят братья, племянник и сестра жены. Сделайте нам на память семейную фотографию.

С этого и начали. Гагарин с шутками и прибаутками весело рассаживал всех. Дочки липли к отцу, мешали, смеялись. Он тоже смеялся и возился с ними, пока Валентина Ивановна не призвала всех к порядку. Потом Юрий Алексеевич вышел на балкон, уперся руками в перила и воскликнул:

— Красотища какая! Вон березы-то, вроде даже зеленью отдавать стали. Не думаю, чтобы другая какая планета красивее нашей Земли оказалась...— Потом Гагарин вздохнул полной грудью.— Весна идет... Меня всегда весной на родину, в Гжатск, тянет. Обязательно найду время, съезжу.

— Юрий Алексеевич,— попросили мы.— Наденьте мундир со всеми орденами.

— Не надо. Через три дня, в среду, буду у вас в редакции, за круглым столом «Огонька». Буду, так сказать, в полном параде, тогда и сфотографируете.

Мы попрощались.

— Счастливого пути,— сказал Гагарин.— В среду увидимся.

Это были последние слова, которые нам довелось слышать от первого космонавта Земли. А 27 марта, в среду, у входа в конференц-зал редакции «Огонька» тщетно толпился народ. Юрий Алексеевич Гагарин не приехал.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

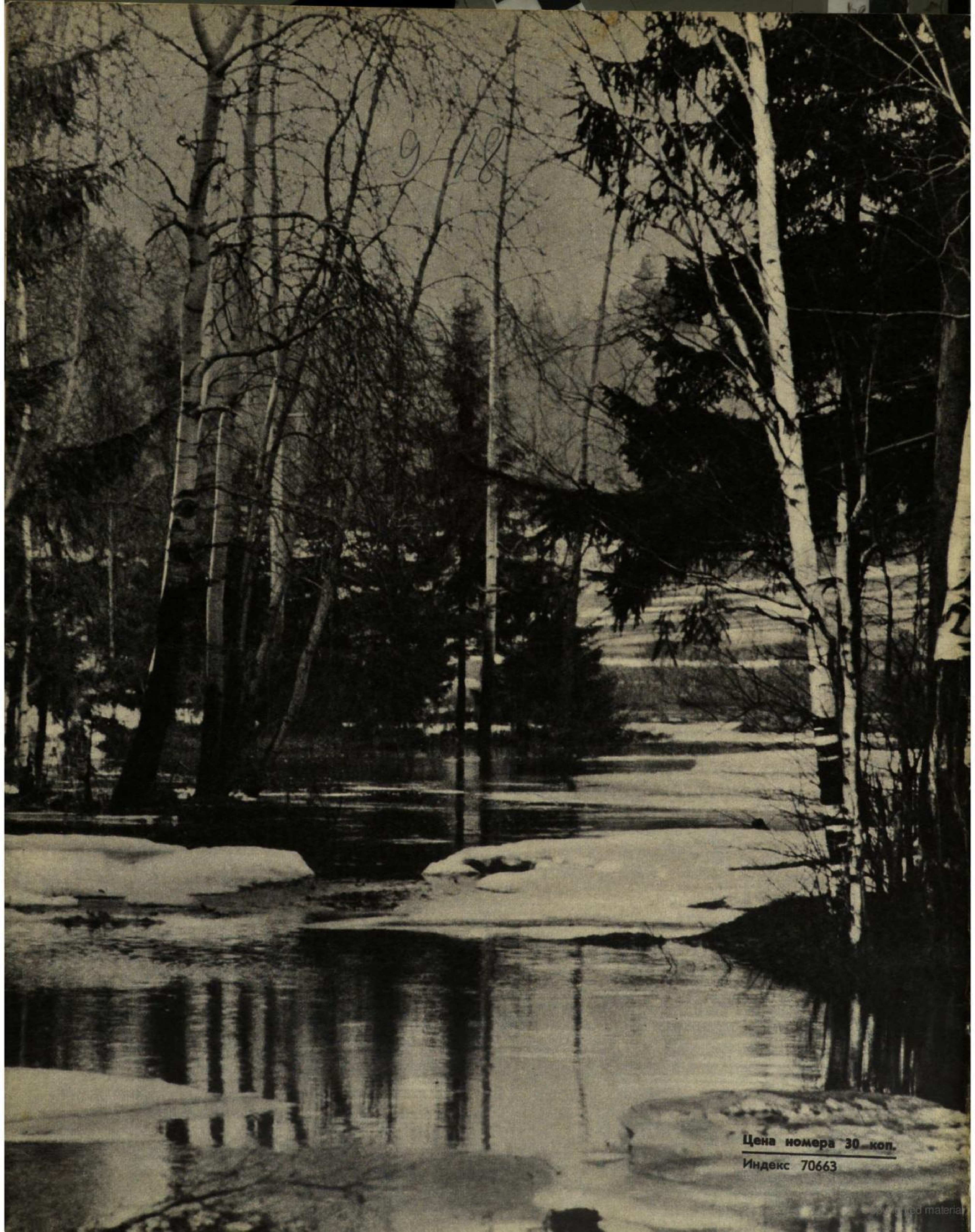
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00388. Сдано в набор 18/III—1/IV-68 г. Подписано к печати 2/IV-68 г. Формат бум. 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000. Изд. № 593. Заказ № 761.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663